

КОМИССИЯ ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ
БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Г.Э. ЩЕГЛОВ

Светильник Христов

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Православное Братство в честь
Святого Архистратига Михаила
в г. Минске, 2008

УДК 271.2 (470+571)-36

ББК 86.372

Щ 33

*По благословению
Высокопреосвященного Филарета,
Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси*

Щ 33 **Щеглов Г.Э.** Светильник Христов. Издание второе, переработанное и дополненное. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2008. – 95 с.

ISBN 978-985-6484-66-0

УДК 271.2 (470+571)-36

ББК 86.372

ISBN 978-985-6484-66-0

© Г.Э. Щеглов, 2008

К ЧИТАТЕЛЮ

«И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели».

(Откр. 6,9)

В сонме новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви, в XX столетии подвиг свой совершивших, достойное место занимает имя епископа Иоанна (Пашина). Он жил в сложнейшее переломное время, когда разрушались устои старой социальной жизни и начиналось строительство новой.

В то время невероятно трудно было сохранить верность своему пастырскому призванию, не увлечься многообещающими, а по существу ложными, новшествами и идеями, одурманившими собою многих современников. Для этого надо было действительно иметь глубокую веру в Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, такую веру, которая могла вдохновить на подвиг, которая значила для человека, ее исповедующего, больше самой земной жизни. Священномученик Иоанн (Пашин) сподобился такой веры. В годы гонений на Церковь он предпочел смерть предательству Бога, явив тем самым образец христианина для будущих поколений. Мы чтим его память и вдохновляемся его подвигом служения Господу, вступив в XXI век, который отнюдь не является безоблачным для тех, кто навечно хочет пребыть со Христом. В этом свете житие священномученика Иоанна, как и повествования о жизни многих сотен подвижников XX столетия, сохраняет для верующих людей насущную жизненную актуальность. А потому знакомство с ним важно и назидательно.

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13,7).

Истоки

Священномученик Иоанн родился в день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова 8 мая 1881 года в местечке Петрикове Мозырского уезда Минской губернии в семье священника Дмитрия Пашина, служившего помощником настоятеля местной Свято-Воскресенской церкви. О Дмитрие Пашине известно немного. Происходил он из семьи диакона Смоленской епархии. После окончания Смоленской духовной семинарии в декабре 1870 года прибыл в Минскую губернию по вызову Дирекции народных училищ на учительскую должность в Мозырское приходское училище. 2 февраля 1873 года Минский епископ Александр (Добрынин) рукоположил его в сан священника к Воскресенской церкви в местечке Петриков¹. Мать священномученика — Надежда Васильевна — происходила из известного священнического рода Завитневичей и была дочерью настоятеля Скрыгаловской церкви Мозырского уезда Василия Завитневича.

Видимо Иоанн был поздним ребенком. До его рождения родители прожили в браке уже почти девять лет. Когда он родился, его матери было около 29 лет, а отцу за 35.

4 ноября 1881 года священник Дмитрий Пашин был перемещен к Симоновской церкви Мозырского уезда² и с семьей выехал из Петрикова. Предположительно в сентябре 1884 года священник Дмитрий скончался. Лишившись супруга и кормильца, Надежда Васильевна с малолетним сыном Иоанном переехала к своим родителям в местечко Скрыгалов. Там маленькому Иоанну отца заменил его дед — священник Василий, человек замечательных вну-

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 40972. Л. 167 об.

² Минские Епархиальные Ведомости. — 1881. — №22. — С. 376.

тренних качеств, благочестивый и усердный, исполненный Христовой любви пастырь³. Думается, что именно он оказал решающее влияние на духовное становление будущего владыки-мученика, заложив в нем основы христианского благочестия. Ввиду этого нельзя обойти стороной и личность самого отца Василия Завитневича, не рассказать о нем более подробнее.

Родился отец Василий 6 июня 1827 года в селе Житковичи Мозырского уезда в семье потомственного священника Иоанна Завитневича. После окончания Минской духовной семинарии он в ноябре 1851 года был рукоположен в сан священника и определен настоятелем Скрыгаловской Свято-Никольской церкви.

Само местечко Скрыгалов располагалось на правом берегу Припяти примерно на подорожи от Мозыря к Петрикову. В древности Скрыгалов, лежащий на перепутье между древнерусскими городами — резиденциями удельных князей — Мозырем, Туровом, Пинском, Слуцком и Минском, начиная с XI века служил местом важных исторических событий. Именно здесь в 1240 году литовский князь Ердвилл наголову разбил монголов и обратил в бегство их предводителя Койдана. Вместе с тем припятские земли были издавна просвещены светом христианства, став его надежным оплотом⁴. В 1497 году здесь принял мученическую кончину от рук татар митрополит Киевский и всея Руси Макарий⁵, впоследствии канонизированный.

³ Щеглов Г. Протоиерей Василий Завитневич // Минские Епархиальные Ведомости. — 2003. — №4. — С. 63—66.

⁴ Киселев В.Н. Исследователь внимательный и трудолюбивый. О жизни и деятельности историка и богослова, профессора В.З. Завитневича. — Минск: Ильин, 2007. — С. 86.

⁵ Святой Макарий жил и священнодействовал в то тяжелое время для православных Великого княжества Литовского, когда князья-католики предпринимали попытки насаждения латинской веры среди православного населения. Более 20 лет (с 1472) Макарий состоял архимандритом Виленского Троицкого монастыря и одновременно митрополичьим наместником. За свою ревностную заботу о православии и борьбу с католичеством

В то время, когда сюда прибыл на служение отец Василий, Скрыгаловский приход был один из самых скромных приходов Минской епархии. Вследствие преобладавшей в этих местах неурожайной песчаной почвы, среди населения царила крайняя бедность, доходившая порой до голода. Скрыгаловскую паству составляли темные, забитые крепостные крестьяне. Деревянная церковь, дома для причта были очень старыми и ветхими. Все там было убого и уныло.

Придя на приход, отец Василий в первую очередь обратил внимание на образование своих прихожан, среди которых не было тогда ни одного грамотного. Он стал собирать в своем доме крестьянских детей и учить их грамоте, так что дом его на многие годы сделался школой, а сам отец Василий безмездным ее учителем.

С первых же лет служения у отца Василия очень непросто стали складываться отношения с местным помещиком-поляком Казимиром Снядецким, человеком крайне своенравным. Последний был сильно раздражен на просветительскую деятельность Скрыгаловского священника и при всяком удобном случае старался чем-либо ему досадить. Дошло до того, что в 1858 году Снядецкий самовольно вырубил принадлежавший приходу участок леса в 150 десятин. Это нанесло большой урон и без того бедному приходу. И тогда отец Василий проявил твердость и бесстрашие: он решил добиться возмещения убытка через суд, чем привел своенравного пана в сильнейшее негодование. Не от того пришел в гнев помещик-поляк, что боялся судебного разбирательства, нет, он был уверен, что суды будут на его стороне; его возмутило то, что какой то там «поп» вообще посмел с ним судиться. Как и следовало ожидать, в иске отцу Василию везде отказывали, так как все местные суды в то время были во власти поляков. Однако неутомимый пастырь, после безуспешных попыток добиться прав-

он в 1495 г. собором западнорусских епископов был возведен в Киевские митрополиты.

ды на месте, решил действовать через Сенат. Только в этом случае можно было рассчитывать на благоприятный исход дела. Такого оборота помещик конечно не ожидал...

19 февраля 1861 года вышел указ об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В скором времени после его выхода отец Василий открыл в Скрыгалове народное училище, поставив дело образования в приходе на законное основание, не опасаясь уже каких-либо препятствий со стороны помещика.

Нужно сказать, что образование в Белоруссии в начале 60-х годов XIX века и в предшествующий период почти целиком находилось в польских руках. Во всех школах и гимназиях преобладающее большинство преподавателей были католики — поляки или ополяченные белорусы, и совсем незначительный процент составляли православные. Преподавание в основном велось на польском языке. Так исподволь насаждалась польская культура и католическая вера. Русскоязычные школы в Белоруссии составляли в то время меньше одной трети всех школ. И значительную часть их как раз и представляли приходские школы, открываемые православными священниками⁶.

В 1863 году на территории Польши, Литвы и Белоруссии началось польское национально-сословное восстание. От действий повстанцев сильно пострадало православно-духовное сословие, среди которого были и жертвы. Сам отец Василий во время смуты бесстрашно находился рядом со своей паствой. Он не только удерживал прихожан от участия в восстании и раскрывал им глаза на истинные его причины, но и настраивал их на противодействие повстанцам. Из-за этого отец Василий в любой момент мог подвергнуться насилию, но вера в Промысел Божий и молитвенное заступничество святителя Николая, небесного покровителя Скрыгаловской церкви, укрепляли его дух.

⁶ Цьвікевіч А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — С. 58—59.

Благодаря стараниям отца Василия, местными крестьянами был пойман возле Скрыгалова «известный пропагандист польского восстания в пределах Мозырского уезда» ксендз Выгоновский, бывший законоучитель Мозырской гимназии, который им же был и представлен в руки властей. При этом отец Василий лично воспрепятствовал побегу Выгоновского. Дело в том, что ксендз был переодет в крестьянскую одежду, чем хотели воспользоваться, чтобы отпустить его на свободу как простого крестьянина, некоторые из сочувствующих ему лиц⁷. После этого случая повстанцы внесли отца Василия в список лиц приговоренных к смерти. Его, несомненно, ожидала злая участь, но Господь уберет своего служителя от неминуемой насильственной смерти. Русские военные власти, узнав об угрожавшей отцу Василию опасности, командировали для охраны его дома отряд солдат.

К началу 1864 года восстание было подавлено. Произошедшие события заставили русское правительство пристальней взглянуть на положение дел в Западных губерниях. В измученный и истощенный вековой борьбой с латинством и «польщиизной» край был направлен из России поток материальной и духовной помощи. Широкой струей потекли пожертвования для церквей западных епархий из внутренней России. Был улучшен быт православного духовенства. Огромные суммы отпускались казной на постройку и перестройку церквей. Среди духовенства в это время отмечался общий подъем духа, отличавшийся особенной широтой и энергией. Организовывались братства, учреждались церковные попечительства, собирались «сборники» духовенства, при каждой церкви заводились народные школы⁸.

⁷ Якубович Вячеслав, священник. Пятидесятилетие пастырского служения протоиерея Скрыгаловской церкви, Мозырского уезда, о. Василия Завитневича // Минские Епархиальные Ведомости. — 1917. — №19—20. — С. 8.

⁸ Рункевич С.Г. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 — 13 апр. 1893). — Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1893. — С. 96—97.

С еще большим усердием взялся в это время отец Василий за дело народного образования. Кроме приходского училища он открыл в каждой деревне, в каждом хуторе своего прихода школы грамоты, в которых преподавали уже его ученики. Эти местные учителя, воспитанные им, имели такой успех и популярность, что соседние приходы наперебой приглашали их к себе учительствовать.

В это время отец Василий устроил для Скрыгаловского народного училища прекрасное деревянное здание. Более десяти лет он оставался в нем законоучителем, пока сложные приходские дела не вынудили его оставить преподавание. Как законоучитель отец Василий отличался особым умением преподавать истины веры так, что дети запоминали их на всю жизнь. Результаты его просветительской деятельности были налицо. В Скрыгаловском приходе стало много грамотных, и все православное население, от мала до велика, научилось правильно и разумно молиться Богу.

Умел отец Василий проявить и житейскую мудрость и в этом роде даже определенную прозорливость. Когда после освобождения крестьян решался вопрос о выделении им земли, помещики прилагали все усилия и изворотливость, чтобы крестьянам достались как можно худшие наделы. При забитости и неграмотности сельского люда помещикам не составляло большого труда обманывать его. По причине полученных скудных наделов крестьяне вынуждены были заключать с помещиками крайне невыгодные хозяйственные договора и через это снова попадали в тяжелую экономическую кабалу. Отец Василий, понимая, что селяне слабо разбираются в экономических вопросах, предпринял все меры, чтобы его прихожане получили лучшие наделы пахотной и луговой земли, а также непременно часть лесных угодий. Он предвидел, что без собственного леса крестьяне все же будут в зависимости от пана. И нигде в окрестностях, кроме скрыгаловцев, крестьяне не получили леса, а в скором времени открылось и явное их преимущество перед соседями. Благодарные прихожане,

зная, что церковная земля чистый песок и видя, как отец Василий бьется на этом песке, добывая для своей семьи насущный кусок хлеба, выделили ему из сельского земельного запаса десятину хорошей огородной земли в пожизненное пользование.

К этому времени ветхая Скрыгаловская церковь постепенно пришла в негодность, так что в ней стало уже невозможно совершать божественную службу. Зимой 1867 года отец Василий вынужден был закрыть храм. Зная, что бедный его приход не имеет средств на постройку новой церкви, он стал хлопотать о выделении денежных средств из государственной казны. В ноябре на приход из Минска приезжал гражданский архитектор А.А. Скуратов, составивший смету на перестройку церкви. Между тем положение было удручающее: время шло, храм бездействовал, и средства на строительство взять было неоткуда. Но это было полбеды, настоящая беда случилась позже. 20 мая 1872 года Скрыгаловская церковь сторела, а вместе с ней сторели и причтовые постройки, и все имущество отца Василия. Не отличаясь достатком и прежде, он после пожара сделался совершенным бедняком.

Со смирением принял отец Василий это испытание и, позабыв себя, все заботы направил на то, чтобы в первую очередь построить новый храм. Имея совсем немного церковных денег, он все же приступил к строительству, с надеждой на Бога и на обещанную помощь казны. Сколько пришлось испытать волнений, сколько потратить энергии в хлопотах о денежной помощи. Но каково же было разочарование отца Василия, когда ему после многократных обещаний вдруг категорически отказали в отпуске казенных средств. Нанятые рабочие бросили дело, строительные материалы подверглись порче, денег не было. И тут совершилось настоящее чудо...

Прихожане еще раз показали неподдельную любовь к своему пастырю. Насажанные им добрые ростки дали новые благодатные всходы. Прихожане-бедняки понесли на

храм буквально копеечки, но так дружно, что из копеечек стали складываться сотни и даже тысячи рублей. И вот в 1877 году постройка храма была закончена, и бедняки-прихожане со своим погорельцем-пастырем получили утешение молиться в просторном и светлом новом храме. Правда, храм этот при недостатке средств остался беден внутри, с более чем скромным иконостасом и убогой утварью. Однако Господь судил, чтобы новый храм, благодаря отцу Василию, украсился величественным иконостасом и богатой утварью.

Начатое 20 лет назад судебное разбирательство по поводу порубки помещиком Снядецким церковного леса, наконец, завершилось. Что пришлось вытерпеть за все это время бедному истцу от богатого помещика, одному Богу известно. Когда угрозы и всякие пакости со стороны помещика не смогли остановить отца Василия, Снядецкий предложил ему лично за отказ от своих претензий большие по тем временам деньги — 1000 рублей. Но честный пастырь не соблазнился и не пошел на сделку с совестью, а добился того, что хоть через 20 лет, но захваченная земля признана была церковной. Правда, за срубленный лес Снядецкий заплатил по суду пустяки (1017 рублей), но зато церковь через три десятка лет за проданные деревья обогатилась капиталом в несколько десятков тысяч рублей. Тогда появилась возможность украсить храм великолепным богатейшим иконостасом и достойной утварью. А когда-то, прибыв на приход, отец Василий застал в церковной кассе только 40 копеек.

В 1883 году отцом Василием в пяти верстах от Скрыгалова в деревне Лешне была построена деревянная часовня в память мученической кончины императора Александра II.

Как человека отца Василия отличали сердечная простота, искренность, приветливость и отзывчивость. Он всегда был аккуратен и исполнителен по службе. Его бескорыстность и нелицемерная любовь к ближним привлекали сердца прихожан, и они часто платили ему взаимностью. Отличала отца Василия и особая любовь к учительству. Он всегда любил

«благовременно и безвременно» беседовать с крестьянами, выслушивать их нужды, печали, советовать, наставлять, разумлять. Все они были для него духовными детьми, и он жил их горем и радостями. Он жил для них: научил их, построил им храм, помогал как мог своим советом и молитвой, своим стоянием за их человеческие права. И не было для него лучшего места на свете, как его родной приход. Не раз предлагали епархиальные власти отцу Василию перейти служить на более лучшее место, но сама мысль об уходе из Скрыгалова казалась ему дикой, как для всякого отца может быть дикой мысль оставить свой дом, своих детей⁹.

Вот таким человеком был протоиерей Василий Завитневич, по неволе заменивший своему внуку Иоанну отца.

Получив первоначальное образование в доме своего деда, Иоанн Пашин в 1890 году поступил в Слуцкое духовное училище, где обучался на казенном содержании. Уже в училище он проявил хорошие способности и все классы проходил в разряде лучших учеников. После окончания училища в 1895 году поступил в Минскую духовную семинарию, в которую также был принят на казенное содержание. Замечательно, что в семинарии Иоанн Пашин учился в одном классе с будущим священномучеником Александром Шалаем.

Во время учебы в Минске Иоанн познакомился с воспитанницей Минской Мариинской гимназии Антониной, дочерью купца Василия (фамилия не установлена) из города Вышний Волочок Тверской губернии. Это знакомство со временем переросло в крепкие теплые отношения двух молодых людей, решивших впоследствии навсегда связать свою судьбу.

В июне 1901 года Иоанн Пашин окончил полный курс Минской духовной семинарии по первому разряду с почетным званием студента. Вскоре он обвенчался и справил свадьбу со своей избранницей Антониной. Желая послу-

⁹ Щеглов Г. Протоиерей Василий Завитневич // Минские Епархиальные Ведомости. — 2003. — №4. — С. 63—66.

жить матери Церкви на пастырском поприще, он подал прошение Минскому архиерею о рукоположении его в священнический сан. 21 октября 1901 года Иоанн Пашин был рукоположен во диакона, а 22 октября, в праздник иконы Казанской Божией Матери, — во пресвитера, получив место второго священника при Покровской церкви села Князь-Озеро Мозырского уезда. Настоятелем в ней в то время был протоиерей Александр Феодорович Самойлович.

4 ноября 1901 года отец Иоанн вместе с уездным духовенством и скрыгаловскими прихожанами поздравлял своего деда Василия с 50-летием пастырского служения. В этот день отцом Василием была совершена соборная литургия в сослужении четырех иереев (всего на торжестве присутствовало десять священников). Храм был переполнен прихожанами. После душевных поздравительных речей духовенство поднесло юбиляру «ценную икону Спасителя», а скрыгаловские прихожане подарили своему любимому пастырю дорогой с украшениями наперсный крест, заведомо испросив на то архипастырское благословение.

Вскоре 50-летнее служение скрыгаловского настоятеля было отмечено и государственной наградой: в мае 1902 года ему был пожалован орден Св. Владимира 4 степени. За свои пастырские труды отец Василий уже не раз награждался от гражданской и церковной властей. Так, в 1878 году он был награжден наперсным крестом от Святейшего Синода, в 1898 году по ведомству Министерства народного просвещения — орденом Св. Анны 3 степени, 6 мая 1900 года — орденом Св. Анны 2 степени, а 7 августа 1900 года в память царствования императора Николая I получил серебряную медаль для ношения на двойной Александровско-Владимирской ленте.

На берегах Припяти

Прослужив более 50 лет настоятелем Скрыгаловской церкви, отец Василий решил уйти на покой и уступить приход своему внуку. 15 февраля 1903 года согласно прошению, ввиду преклонных лет и общей слабости он был уволен за штат, а на его место настоятелем Свято-Никольской церкви назначен священник Иоанн Пашин¹⁰. Более шести лет прослужил иерей Иоанн в местечке Скрыгалове. С детства, видя в лице своего деда живой пример настоящего пастыря, исполненного любви к ближним, не страшящегося никаких трудностей и опасностей, отец Иоанн, теперь сам уже будучи священником, мог осмысленно и непосредственно назидаться богатым духовным опытом своего благочестивого деда. В те годы двух пастырей связывало не только духовное общение и кровное родство, но и истинное духовное сотрудничество.

Еще до выхода своего за штат отец Василий задумал увековечить в Скрыгаловском приходе память священномученика Макария, митрополита Киевского и всея Руси, убитого, как уже упоминалось, в окрестностях Скрыгалова в XV веке татарами. Он решил возвести в его честь памятник-часовню, на строительство которой уже успел собрать свыше 1000 рублей пожертвований¹¹.

Видимо, мысль о возведении часовни оформилась у отца Василия в 1889 году, когда в Скрыгалов для проведения археологических раскопок и разыскания места кончины митрополита Макария приезжал молодой ученый, доцент

¹⁰ Распоряжения Епархиального начальства // Минские Епархиальные Ведомости. — 1903. — №5. — С. 71.

¹¹ И[оанн] П[ашин], священник. Протоиерей Василий Иоаннович Завитневич (некролог) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1917. — №19—20.

Киевской духовной академии В.З. Завитневич¹², родственник отца Василия. В общей сложности В.З. Завитневичем в районе Скрыгалова был раскопан 21 курган. Во время этих раскопок, а может быть и ранее, отцом Василием был найден на предполагаемом месте убийства святителя Макария бронзовый крестик энколпион, переданный им впоследствии в музей Киевского церковно-исторического и археологического общества¹³.

Место мученической кончины митрополита было известно по местному преданию: оно находилось в одной версте от местечка в урочище «Гричина», месте прежнего расположения Скрыгалова. В 1890 году В.З. Завитневич в «Трудах Киевской Духовной академии» представил подробное исследование документов о времени и месте кончины святителя. Сопоставляя данные из летописных источников, он пришел к выводу, что митрополит принял смерть от рук крымских татар 1 мая (ст.ст.) 1497 года. Летописи и предания свидетельствуют, что митрополит Макарий, проплывая Припятью в Киев мимо Скрыгалова, пожелал помолиться в местной церкви и стал служить литургию. Во время службы пришла весть о набеге крымских татар. «Спасайтесь, детки, — воскликнул владыка, — а мне нельзя. Я отдаю себя воле Божией». Набежавшие татары тут же у престола обезглавили Киевского святителя. Затем нетленные мощи мученика были перенесены благочестивыми жителями Скрыгалова и монахами Киево-Печерской Лавры в храм Святой Софии в Киеве, где почил в серебряной раке. Здесь же хранился и кипарисовый крест митрополита. Церковь причислила святителя Макария к лику святых и почитает его как священномученика. Мощи святителя

¹² Завитневич Владимир Зенонович (1853—1927) — историк, археолог, богослов, литератор, педагог. Сын священника Минской епархии. Выпускник Минской духовной семинарии и С.-Петербургской духовной академии. Трудился на педагогическом поприще в Киевской духовной академии, профессор. В 1885—1893 гг. предпринял ряд археологических экспедиций по Украине и Белоруссии.

¹³ Киселев В.Н. Указ. соч. — С. 59.

прославили себя многочисленными чудотворениями. Каждый год 1 мая в день памяти священномученика Макария Киевского мощи его при молитвенном пении обносились вокруг Софийского собора¹⁴.

Сама мысль о возведении часовни принадлежала исключительно отцу Василию Завитневичу. Идею эту с радостью поддержал и В.З. Завитневич. От имени скрыгаловцев он обратился к киевлянам с просьбой помочь им в сооружении часовни своими пожертвованиями, для чего была организована специальная подписка.

Задуманное и начатое отцом Василием дело было продолжено его внуком.

С большим усердием взялся священник Иоанн Пашин за это святое дело. За короткий срок он сумел собрать необходимые для постройки часовни-памятника средства в дополнение к тем, которые уже были собраны отцом Василием. К началу 1905 года возле Скрыгаловской приходской церкви была построена красивая каменная часовня (строительство ее обошлось свыше 5000 рублей) и внутри ее установлена древняя икона священномученика Макария в богатом киоте, пожертвованном Киево-Печерской Лаврой. 1 мая 1905 года в день памяти святителя состоялось торжественное освящение часовни. На самом месте убиения митрополита Макария воздвигнут был тогда же высокий каменный столб с нишей, в которой также была устроена небольшая икона священномученика¹⁵. С того времени каждый год 1 мая в Скрыгалове стал совершаться торжественный праздник, на который съезжалось окрестное духовенство и стекались тысячи народа. После храмового богослужения совершался крестный ход: сначала к памятнику, где служился молебен священномученику Макарию, а затем к реке Припяти к месту его убиения.

¹⁴ Там же. — С. 87—88.

¹⁵ Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1908. — №11. — С. 241.

Между тем в местечке происходили и не только радостные события. Революционный 1905 год не обошел стороной и эти, казалось бы, отдаленные от центров бурной политической жизни места.

Одним из печальных явлений первой русской революции стали еврейские погромы, волной прокатившиеся по России. Детонатором для этого социального взрыва послужил, как ни странно, манифест 17 октября, даровавший населению гражданские свободы. Пик еврейских погромов пришелся на вторую половину октября и начало ноября 1905 года. Начиная с 18 октября в течение двух-трех недель погромы были совершены в 660 населенных пунктах империи. Между тем в белорусских губерниях погромы были совсем немногочисленны (не более десяти). В Минской губернии единственным местом еврейского погрома стала Речица¹⁶. Однако погромные настроения каким-то образом коснулись и Скрыгалова, и отцу Иоанну, по его собственному свидетельству, пришлось защищать местное еврейство от насилия. Возможно, подстрекатели явились со стороны, а может быть это был кто-то из местных. Тем не менее отцу Иоанну пришлось использовать свой священнический авторитет, чтобы сохранить в местечке мир.

4 ноября 1907 года Скрыгалов радостно встречал еще одну святыню — частицу нетленных мощей священномученика Макария, исходатайствованную для местной церкви по просьбе прихожан Минским архиереем у Киевского митрополита. Из Киева святые мощи вез отец Иоанн Пашин. На станции Птичь, куда прибыл киевский поезд, святыню встречал крестный ход. После краткого молебна в помещении станции крестный ход во главе со святыней направился в Скрыгалов. В тот же день после богослужения было освящено здание Скрыгаловской женской церковно-приходской школы, открытой в память митрополита Макария. С лицевой стороны на крыше здание

¹⁶ Смиловицкий Леонид. Погромы 1905 г. в Белоруссии. — <http://www.souz.co.il>

было украшено увенчанной крестом аркой с иконой угодника Божия¹⁷.

Так, благодаря святому почину протоиерея Василия Завитневича и деятельным трудам его внука, священника Иоанна Пашина, в неприметном и убогом некогда Скрыгалове было установлено особенное почитание священномученика Макария, митрополита Киевского, основано Свято-Макарьевское братство, построена часовня-памятник и в память его имени открыта женская школа.

В следующем, 1908, году с появлением частицы святых мощей день памяти святого Макария прошел с необычайной торжественностью. До десяти тысяч богомольцев стеклось тогда в Скрыгалов, некоторые из них прибыли почти за 100 верст. Необычайно величественную картину представлял крестный ход. Вот как описывал его очевидец: «Свыше пятидесяти хоругвей веяло в воздухе и посредине крестного хода ковчег с частицей Святых Мощей, несомый двумя священниками и окруженный братчиками со свечами, а народа бесконечная лента... Первый ясный день после продолжительного ненастья, как нельзя более способствовал торжеству. Около 3 часов дня крестный ход возвратился в храм, и богомольцы, приложившись к частице Святых Мощей и поклонившись земле, облитой кровью Священномученика Макария, религиозно утешенные, мирно расходились по своим близким и далеким деревням»¹⁸. Радовались сердца протоиерея Василия и внука его, иерея Иоанна, такой необычайной милости Божией при виде всего совершающегося. Могли ли они себе когда-то представить, что скромный Скрыгаловский приход станет местом паломничества тысяч и тысяч богомольцев. Воистину, неисповедимы пути Господни!

¹⁷ Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1907. — №20. — С. 428.

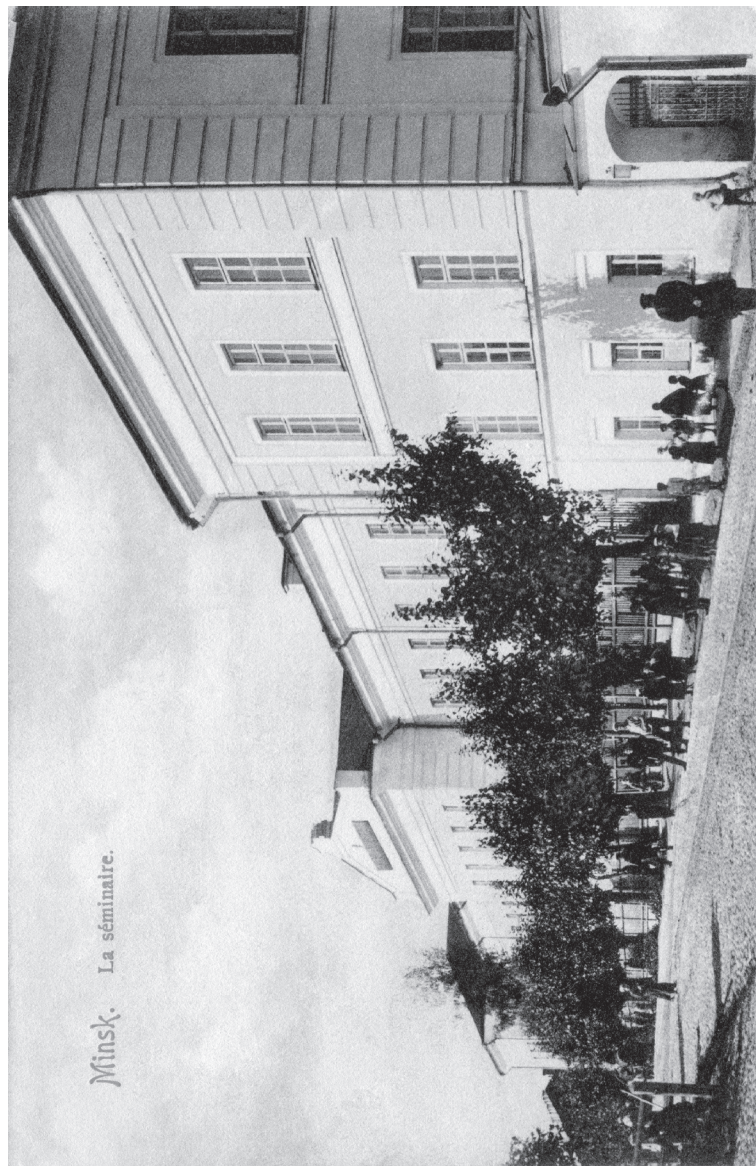
¹⁸ Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1908. — №11. — С. 241—242.

Протоиерей Василий Завитневич (фото после 1902 г.)

Яков Веракич — отчим Иоанна Пашина

Minsk. La séminaire.

Здание Минской духовной семинарии

Ученик 5 класса Минской духовной семинарии Иоанн Пашин
(5 сентября 1899 г.)

София Яковлевна Веракич – сестра Иоанна Пашина по матери

Супруга священника Иоанна Пашина Антонина Васильевна
с дочерью Надеждой

Виды Припяти в окрестностях Скрыгалова (фото автора, 2006 г.)

Часовня в честь священномученика Макария, митрополита Киевского
(фото В.Н. Киселева, 2-я пол. 20 в.)

Вид восстановленной часовни священномученика Макария,
митрополита Киевского (фото автора, 2004 г.)

Памятная стелла на месте мученической кончины
Киевского митрополита Макария (фото автора, 2006 г.)

Памятная доска на стелле (фото автора, 2006 г.)

Восстанавливающаяся церковь на месте старого Скрыгаловского храма
(фото автора, 2006 г.)

Прилепы

В июне 1909 года отца Иоанна назначили настоятелем церкви Святого Великомученика Георгия Победоносца в селе Прилепы Минского уезда¹⁹.

Тринадцать лет нес он пастырское служение в Прилепском приходе.

Чудом уцелела летопись Прилепской церкви, позволявшая достаточно подробно проследить жизненный путь отца Иоанна в период с 1909 по 1922 год. Летопись эта содержит много ценных сведений бытового характера. Так как отец Иоанн отличался внимательным отношением к происходившим событиям, он тщательно и в деталях описывал все, что характеризовало церковно-приходскую жизнь в этот период. Регулярно читавший летопись благочинный, протоиерей Константин Попов, оставил на ее полях следующую запись: «Слава о. Иоанну Пашину, так усердно отнесшемуся к сей книге, к прискорбию, в других приходах округа совсем заброшенной и имеющей чистые листы. Летопись жизни прихода изложена весьма обстоятельно, содержательно и разносторонне. <...> Читал с удовольствием и благодарю летописца»²⁰.

В скором времени после назначения отца Иоанна в Прилепы у него появился деятельный помощник в приходской жизни — псаломщик Яков Трохонович²¹. Он был

¹⁹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 41154. Л. 341.

²⁰ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 39 об.

²¹ Трохонович (Троханович) Иаков Артемьевич (27.11.1883—28.04.1942) — священник. Родился в семье крестьянина с. Острожанка Мозырского у. Минской губ. Образование получил в церковно-приходской школе. Служил псаломщиком Зачистской церкви Борисовского у., с 5 октября 1909 г. — псаломщиком при Св.-Георгиевской церкви с. Прилепы Минского у. 12 апреля 1915 г. епископом Слуцким Феофилактом (Клементьевым) рукоположен во диакона в с. Прилепы. 13 августа 1917 г. рукоположен вторым священником к Прилепской церкви, в 1923 г.

назначен в октябре 1909 года на Прилепский приход по желанию самого отца Иоанна на место вышедшего по старости за штат бывшего псаломщика Ивана Рейтаровского. С Трохоновичем отец Иоанн был знаком уже довольно давно, а в 1907 году был у Якова поручителем (свидетелем) на свадьбе со стороны его невесты — Надежды Тышкевич, дочери покойного псаломщика Симоничской церкви Мозырского уезда. Сам Трохонович служил тогда псаломщиком при Зачистской церкви в Борисовском уезде²². Зная положительные качества Якова, отец Иоанн и пригласил его псаломщиком в Прилепы.

Едва появившись на новом приходе, отец Иоанн уже в 1910 году открыл в деревне Избицкое одноклассную церковно-приходскую школу (в 1910 году в ней обучались 62 ученика). Помещение для школы было бесплатно предоставлено председателем приходского попечительства помещиком Николаем Ивановичем Демидовым. Он же заботился о ее отоплении и освещении²³. С Н.И. Демидовым у отца Иоанна сразу же сложились очень хорошие отношения. Этот ревностный к приходской жизни помещик подарил отцу Иоанну в первый же год его служения новое священническое облачение и несколько икон для храма.

Среди знаменательных событий в истории Прилепского прихода в летописи отмечается появление в здешней церкви списка Иверской иконы Божией Матери, привезенного с Афона. Писана она была в тамошнем русском монастыре Св. Великомученика Пантелеимона и освящена «суточным стоянием на Животворящем Гробе Господнем в Иерусалиме». 24—25 сентября 1910 года икона крестным

возглавил приход в качестве настоятеля. 9 января 1933 г. арестован по сфальсифицированному обвинению в антиколхозной агитации и 16 января осужден «за контрреволюционную деятельность» на 5 лет лагерей с конфискацией имущества. Этапирован в один из концлагерей ОГПУ Ивановской обл. В заключении получил новый срок. Скончался 28 апреля 1942 г. в ГУЛАГе. Реабилитирован 31 мая 1989 г. прокуратурой БССР.

²² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 38460. Л. 2.

²³ Там же. Д. 41154. Л. 302 об.

ходом с железнодорожной станции Смолевичи при громадном стечении народа (не менее 3000) была торжественно перенесена в церковь Св. Великомученика Георгия Победоносца. Инициатором и вдохновителем этого важного в жизни прихода события был отец Иоанн²⁴. Для иконы со временем был устроен киот на пожертвования прихожан, среди которых значительная сумма была пожертвована хуторянином Николаем Михалевичем в память о его сыне Александре — матросе, погибшем в 1905 году в Цусимском сражении на броненосце «Бородино».

Через два месяца после прибытия Иверской иконы при Прилепской церкви было положено начало приходскому обществу трезвости, начавшему свою деятельность под покровительством знаменитой иконы. В течение первого месяца в общество поступило более 30 человек, давших обет воздержания от спиртных напитков. С каждым годом общество увеличивалось так, что постепенно переросло в братство трезвости со своим уставом, гимном, знаменем-хоругвью. Надо отметить, что среди приходов Минской епархии не много было подобных обществ и братств.

Собирая в приходы святыни, вокруг которых сразу же устанавливалось общественное почитание, отец Иоанн в то же время боролся с невежественным почитанием «святынь» ложных. Так, прибыв на Прилепский приход, он столкнулся с одним местным обычаем, смутившим его пастырскую совесть, о чем небезынтересно будет рассказать.

В полуверсте от Прилепской церкви, недалеко от дороги, ведущей в Минск, на склоне горы, известной под названием «За́мок», под ветхим навесом на четырех столбах стояла неуклюжая, в рост человека, деревянная грубой работы статуя, изображавшая какое-то католическое духовное лицо, — в тиаре, сутане и с капюшоном. Сохранившаяся видимо еще со времен плачевной унии, статуя раньше находилась в самом селе Прилепы в том месте, где сходились

²⁴ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 37 об.

дороги из Минска и Острошицкого Городка. Но статую оттуда убрали потому, что, по свидетельству старожилов, ее пугались лошади, и, кроме того, она подвергалась осмеянию и оскорблениям со стороны проходящих и проезжающих мимо евреев. Ко времени приезда отца Иоанна в Прилепы статуя уже крайне обветшала и стала «неблаговидной до невозможности». Однако окрестные жители по невежеству или по какому-то суевию почитали эту статую как изображение «Святого Яна» — Иоанна Крестителя. Ежегодно, уже более 30-ти лет, 24 июня — в день Рождества святого Иоанна Крестителя — местные жители совершали крестный ход из Прилепской церкви к этой статуе, где служился молебен Иоанну Предтече, и освящались травы и цветы для лечебных надобностей²⁵.

Прибыв на Прилепский приход, отец Иоанн сразу же обратил внимание на ненормальность этого явления. Однако ирония была в том, что служившие до него в Прилепской церкви православные священники, вместо того чтобы разъяснить народу ненормальность такого почитания, напротив, на протяжении десятилетий поддерживали крестные ходы, от которых получали немалый доход деньгами и полотном. Совесть отца Иоанна побуждала предпринять какие-то действия для прекращения этого недоразумения, но понимание того, что традиция уже сильно укоренилась в сознании прихожан, вынуждало действовать осторожно и с рассуждением.

В первый год своего пребывания в Прилепах отец Иоанн не решился нарушить сложившуюся традицию и совершил 24 июня крестный ход, но предварительно приобрел в рост человека икону святого Иоанна Крестителя и во время молебна заслонил статую ею. Так молебен уже выглядел вполне по-православному. Это делал он и в последующие годы, но к своему большому огорчению замечал, что народ все религиозное почитание и совершавшееся богослуже-

²⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 38351. Л. 1—2.

ние относил не столько к памяти святого, сколько именно к самой статуе. Тогда отцу Иоанну стало очевидным, что от статуи необходимо каким-то образом избавиться²⁶.

В 1913 году он возбудил перед епархиальным архиереем ходатайство о том, чтобы статую убрать, а на ее месте, на горе у дороги, поставить деревянную часовню с иконой святого Иоанна Крестителя, куда впоследствии и совершать крестный ход 24 июня. Первоначально отец Иоанн предполагал перенести статую в Прилепскую церковь и затем хотел «сжечь ее или хранить так, чтобы она не была видна народу». Но потом, чтобы под более благовидным предлогом избавиться от нее, предложил принять статую «как предмет церковно-общественного почитания» для хранения в Минский церковно-археологический кабинет. Участок же земли, на котором стояла статуя, решено было выкупить для постройки часовни у его владельца, помещика Михаила Владимировича Попова, в церковное пользование²⁷.

Однако, когда отец Иоанн обратился к помещику с просьбой уступить землю для постройки часовни, тот, не проявляя ранее особого интереса к вопросам религии, вдруг сделался ревностным защитником «святости» и наотрез отказался продавать землю, на которой стояла статуя «Святого Яна».

Для урегулирования возникшей проблемы Минский владыка, Преосвященный Митрофан (Краснопольский), обратился к Минскому губернатору с просьбой оказать помощь и посредничество в диалоге с помещиком.

В результате выяснилось, что помещик Попов в принципе был согласен на представление участка земли, однако опасался, что местное население будет крайне недовольно им из-за «исчезновения» статуи, так как он, будучи хозяином земли, являлся и ее фактическим владельцем. Единственное, на что соглашался помещик, — это не заявлять претензии, если статуя будет уничтожена по распоряжению духовной

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 6—7.

или гражданской власти, без всякого в том с его стороны участия. Губернатор же, выражая свое личное мнение по этому вопросу, резонно замечал, что религиозное почитание статуи долгое время поддерживалось именно православными священниками и уничтожение ее может быть превратно понято крестьянами, породив в их среде нежелательное брожение²⁸.

Учитывая все обстоятельства, Преосвященный Митрофан принял решение приостановить дело об уничтожении статуи, но отцу Иоанну предписал всячески располагать прихожан бросить к ней паломничества и самому более не совершать туда крестных ходов для молебна²⁹. Так эта история и завершилась, и в ней показательно то, что отец Иоанн как трезвый и разумный пастырь не пошел на поводу обстоятельств, а на первое место поставил свой пастырский долг.

Случай этот хорошо иллюстрирует, как нуждалась местная паства в просвещении и в здравом назидании в истинах православной веры. В приходской летописи отец Иоанн отмечал, что хотя особо грубых пороков и суеверий среди прихожан замечается мало, «особо прискорбно, что молодежь устраивает гулянки под воскресные и праздничные дни, и что многие не соблюдают истинных праздников», занимаясь в эти дни извозом и торговлей. «Знание молитв и истин православия среди прихожан очень слабое, — писал он, — но при наличии теперь в приходе пяти школ, с развитием грамотности есть надежда, что прихожане разумно будут молиться и веровать. Необходимо только распространить в приходе хорошие толковые молитвословы, Евангелия и другие дешевые религиозные издания. Прихожане заботятся о том, чтобы в “красном углу” избы было много икон, но, к сожалению, часто приобретают иконы католические или неблаговидного письма». Для устранения этих недостатков отец Иоанн кро-

²⁸ Там же. Л. 9—9 об.

²⁹ Там же. Л. 9.

ме поучений, произносимых им постоянно в проповедях за богослужением, организовал при Прилепской церкви продажу икон, священных картин, издаваемых Одесским Афоно-Ильинским подворьем, крестиков, молитвословов и книг религиозно-нравственного содержания.

Под влиянием отца Иоанна жители прихода стали действительно более активно принимать участие в приходской жизни, жертвовать, занялись ремонтом приписных церквей, бывших до этого в плачевном состоянии.

Не случайно в 1912 году отца Иоанна наградили Библией от имени Святейшего Синода. И это был не единственный знак внимания со стороны духовной и гражданской власти. Помимо сугубо церковных наград, какими обычно поощрялись священники (скуфья, камилавка и т.п.), отец Иоанн имел еще и медали: в память русско-японской войны, в память 25-летия церковных школ, а также им позже была получена медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых³⁰.

С появлением отца Иоанна на Прилепском приходе церковная жизнь заметно оживилась. «К чести прихожан, — писал он в конце 1910 года в приходской летописи, — следует сказать, что они все более и более оказывают усердие в посещении храма. Каждое воскресенье храм бывает полон, а в некоторые праздники в церкви едва вмещается половина или даже третья часть богомольцев, пришедших в храм. Любят прихожане благолепие богослужения, хоровое пение и беседы. Хор церковный, благодаря усердию и трудам псаломщика Трохоновича, все более и более усиливается в количественном и качественном отношении»³¹. Уже в следующем году отец Иоанн писал: «Посещение храма Божьего в сем году возросло. Не говоря про праздничные дни, но в новолунные и даже обычные воскресенья

³⁰ Центральный государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб.). Ф. 277. Оп. 1. Д. 183. Л. 8 об.

³¹ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 38 об.

церковь не вмещала богомольцев. В большие же праздники большая часть людей довольствуется стоять хотя на погосте и там слушать Богослужение»³².

Так как старая деревянная церковь уже не вмещала молящихся, да и по ветхости требовала капитального ремонта, отцом Иоанном в 1912 году был составлен план и смета на постройку новой каменной церкви. Помещик Н.И. Демидов обещался выхлопотать на ее строительство казенные деньги. Кроме того, благодаря его хлопотам в том же году из Хозяйственного управления при Святейшем Синоде были присланы два полных священнических облачения — будничное и праздничное, стихарь для псаломщика, выносная Плащаница, пара суконных хоругвей, завеса для Царских врат, облачения на Святой Престол, жертвенник и аналой, а также набор богослужебных предметов³³. Из Московской Синодальной типографии были присланы напрестольное Евангелие и полный круг богослужебных книг.

Надежды на отпуск казенных денег на строительство новой каменной церкви оправдались. Благодаря стараниям Н.И. Демидова, Святейший Синод в феврале 1913 года отпустил необходимые средства. Однако при решении вопроса о месте постройки будущей церкви возник ряд недоумений. Так, помещик Попов, пообещавший дать место под церковь, предъявил требование, чтобы на могиле его отца, около старой церкви, была установлена на церковные средства каменная часовня. Но это было неприемлемо. В свою очередь крестьяне деревень Рудня и Усяжа сильно желали, чтобы новая церковь строилась не в Прилепах, а в Рудне, где предлагали поселиться и причту. Однако и это предложение было отклонено. Недоумение относительно места постройки нового храма продолжалось все лето. Хо-

³² Там же. Л. 41.

³³ Серебряный потир и лжица, медные вызолоченные дискос, два блюда, ковшик, копие, напрестольный крест, дарохранильница, дароносица, напрестольный семисвечник, два местных подсвечника, выносной подсвечник, кадильница, водосвятная чаша с кропилом.

тели уже было остановиться на огороде священнической усадьбы. «Но, — как писал отец Иоанн в приходской летописи, — 26 сентября в день празднования Св. Апостола Иоанна Богослова и день встречи в 1910 году Св. Иверской иконы Божией Матери после богослужения и крестного хода, обычно совершаемого в этот день вокруг храма, верим, Божия Матерь всем дала благую мысль строить храм на горе за домом Священника»³⁴.

Это было самое высокое место в округе, с которого открывался великолепный вид, и предполагаемая новая церковь должна была быть видна издалека. Осенью, после того как была выровнена вершина холма, туда начали свозить строительные материалы.

Однако как только начались первые работы, пришли и искушения. Сильное волнение в приходе вызвал вопрос доставки материалов (камня и кирпича), так как прилепские прихожане, по свидетельству отца Иоанна, «вообще не привыкли жертвовать на храм или трудиться для храма». Ему до конца года приходилось почти каждое воскресенье и каждый праздник говорить в храме о помощи в доставке материалов, доказывать необходимость и значение этого дела. «Злонамеренные люди, — читаем мы в летописи, — распространяли усиленно ложные слухи, что доставка материалов непосильна, что постройка церкви вызовет денежные поборы (“будут коров из хлева выводить”)». Крестьяне деревни Избицкое направили даже целую депутацию к священнику в Смолевичи с ходатайством о причислении их к Смолевичскому приходу. «Неохота творить Божие дело временно расстроила приходскую жизнь, — писал отец Иоанн, — вызвала неудовольствие к причту, и последнему пришлось претерпеть много неприятностей. Но, хвала Богу, к концу года туман как бы рассеялся»³⁵.

³⁴ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 44 об.

³⁵ Там же. Л. 45.

С 18 декабря уже началась перевозка кирпича, который покупался на кирпичном заводе в Крупцах близ Минска.

В том же 1913 году в Прилепах было открыто Кредитное Товарищество. Однако и это полезное учреждение было начато не без трудностей. Новое дело, к тому же еще и денежное, у местных крестьян «вызывало недоумение и недоверие». Учредителями же Товарищества являлись члены приходского братства трезвости, «как более доверяющие своему пастырю и вообще более разумные люди». Правление и совет Товарищества были избраны исключительно из трезвенников, председателем правления стал отец Иоанн Пашин, а счетоводом, ведущим всю письменную часть — псаломщик Яков Трохонович. Количество членов Товарищества достигло к концу года до 230 человек, а денежный оборот — 12 000 рублей. Встретив сначала с подозрением новое учреждение, население вскоре стало охотно пользоваться мелкими кредитами, причем деньги возвращало вовремя.

В 1914 году было завершено вчерне строительство новой церкви, но за недостатком кровельщиков она не была покрыта.

Оживление приходской жизни и постройка нового храма подтолкнули отца Иоанна к мысли о желательности заведения при церкви диакона, причем на этом месте он хотел видеть своего верного помощника в приходских делах псаломщика Якова Трохоновича. А надо сказать, что по своим нравственным качествам, энергии, трудолюбию и усердию это был «выдающийся псаломщик». Трохонович помогал отцу Иоанну буквально во всех его приходских мероприятиях, а во время постройки новой церкви много потрудился по подряду подвод, доставке и приему материалов.

В конце декабря 1914 года отец Иоанн подал в Минскую духовную консисторию на имя Преосвященного Митрофана рапорт с просьбой рукоположить псаломщика Трохоновича в сан диакона. «Забота о благолепии церков-

ного Богослужения при частых и значительных собраниях богомольцев в Прилепском приходском храме, — писал он, — побуждает меня смиреннейше просить Ваше Преосвященство рукоположить псаломщика вверенной мне церкви Иакова Трохоновича в сан диакона с оставлением в занимаемой им должности. Вместе с сим осмеливаюсь доложить, что названный псаломщик отличается религиозностью и благонравием, безусловный трезвенник, истово и с благоговением совершает церковное чтение и пение, организовал церковный хор и является деятельным сотрудником моим во всех церковно-приходских организациях, как-то: Братство Трезвости, Комитет по постройке каменного храма в Прилепах и Прилепского Кредитного Товарищества»³⁶. В свою очередь и местный благочинный, священник Михаил Самойлович, отзываясь на запрос духовной консистории о псаломщике Трохоновиче, писал: «Благочиннический Совет считает своим нравственным долгом с своей стороны ходатайствовать пред Вашим Преосвященством о награждении псаломщика Трохоновича, за его усердие и полезные труды на благо прихода, саном диакона»³⁷.

Дьяконская хиротония Якова Трохоновича совершилась 12 апреля 1915 года в Минском кафедральном соборе. Рукополагал его Слуцкий викарный епископ Феофилакт (Клементьев)³⁸.

Несколько слов надо сказать о Прилепском братстве трезвости, достаточно широко развернувшем к тому времени свою деятельность. Согласно отчету за 1914 год братство насчитывало уже 316 человек безусловных трезвенников — 189 женщин и 127 мужчин. По заведенному отцом Иоанном порядку, лица, вступавшие в братство, давали обет трезвости пред местной иконой Иверской Божией Матери, после чего благословлялись образком и

³⁶ Там же. Л. 3.

³⁷ Там же. Л. 1—1 об.

³⁸ Там же. Л. 18.

выслушивали особый молебен. Грамотным вручались противоалкогольные листки и брошюры. При этом вступающие должны были делать добровольные взносы, деньги от которых шли почти исключительно на приобретение листков и брошюр противоалкогольного содержания, на них же в 1913 году была приобретена и братская хоругвь.

Совет братства составляли 12 человек выборных, ежемесячно собиравшихся для совещания. За богослужением в двенадцатые праздники выборные стояли с зажженными свечами, способствовали порядку во время крестных ходов. Большинство из них в то же время являлись членами церковно-приходского Попечительства и членами Попечительного Совета о семьях запасных, призванных с началом Первой мировой войны на фронт.

Надо отметить, что именно трезвенники являлись главной опорой прихода. Именно они аккуратнее всех посещали богослужения, скорее других отзывались на все добрые начинания в приходе и были их основой. Церковный староста и почти все церковные попечители были трезвенники.

Проводя идею трезвости в среде прихожан Прилепской церкви и среди многих посторонних из соседних приходов, братство добилось того, что еще весной 1914 года была закрыта единственная в приходе винная лавка в деревне Рудня. То есть еще до всеобщего закрытия винных лавок, связанного с военным временем³⁹. По этому поводу отец Иоанн писал: «Трезвости (для многих хоть и вынужденной) все не нарадуются, прекрасно обходятся и без водки при всех событиях и просят Бога, чтобы никогда не возобновлялась торговля спиртными напитками. Конечно, благодаря трезвости поднимается и народное благосостояние и народная нравственность»⁴⁰.

³⁹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 38479. Л. 11.

⁴⁰ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 49 об.

Свято-Георгиевская церковь в с. Прилепы
(фото Я. Балзункевича, нач. 20 в.)

Священник Иоанн Пашин

Совет Прилепского кредитного товарищества. Сидят: пятый слева — священник
Иоанн Пашин, четвертый слева — диакон Яков Трохинович

Начало испытаний

С началом Первой мировой войны Белоруссия очень скоро ощутила на себе ее тяжесть. Из Прилепского прихода уже в первый год войны в армию было призвано более 200 человек. Война всколыхнула народное религиозное сознание, и это заметно оживило повсюду приходскую жизнь. Вот что писал в приходской летописи об этом времени отец Иоанн Пашин: «Нынешняя война вызывает всеобщее сочувствие населения к доблестным нашим войскам, искреннее желание помолиться, всеми молящимися после каждой службы поется “Спаси Господи”. Эту молитву знают теперь все»⁴¹. Религиозно-патриотическое настроение выразалось не только в молитве. Прилепские прихожане охотно жертвовали денежные средства, вещи и материалы на нужды раненых воинов в госпитали и склады. Хотя семьи призванных в армию запасных обеспечивались казенным содержанием, беднейшим из них выдавалось пособие из церковных средств и из собранных пожертвований. Кроме того, семьям запасных выдавался валежник из церковного леса. Призыв многих из жителей прихода вызвал усиленную переписку между призванными и оставшимися дома родными. Ввиду этого Прилепское Кредитное Товарищество выделило средства на доставку три раза в неделю почты из местечка Городок: был прислан почтовый ящик, установлена продажа марок, прием и выдача простой корреспонденции в Прилепах, так что Прилепы были причислены к числу почтовых мест.

Между тем война все более и более накладывала свой отпечаток на общий строй жизни. Через Белоруссию с запада на восток тянулся поток беженцев, с фронта стали приходить похоронки, разрушалась экономическая сторона жизни. Среди общей скорби, связанной с военным

⁴¹ Там же. Л. 49.

временем, семью Пашиных в 1915 году постигло и личное горе: от туберкулеза умерла матушка отца Иоанна — Антонина Васильевна. Ей было тогда всего тридцать два года. В летописи по этому поводу есть краткое, исполненное глубокой печали замечание: «Священника Иоанна Пашина постигло тяжкое испытание: 20 апреля после тяжелой болезни скончалась его жена... Помогите, Господи, нести тяжкий крест вдовства!»⁴².

Овдовев, отец Иоанн остался с двумя несовершеннолетними детьми: восьмилетним сыном Василием и тринадцатилетней дочерью Надеждой, учившейся тогда в Минской Мариинской женской гимназии.

Но, несмотря на постигшее отца Иоанна горе, он не впал в уныние, не опустил рук. Не взирая на трудности военного времени, им в 1915 году был устроен возле церкви цементный водоем для освящения воды и возле него установлены крест и икона святого Иоанна Крестителя для совершения богослужений 24 июня на праздник Рождества Иоанна Крестителя. В том же году на новую церковь были подняты золоченые кресты.

В августе 1915 года немцы предприняли на Западном фронте широкомасштабное наступление, захватив значительную часть Белоруссии. Наступление вызвало всеобщую панику, началась поспешная эвакуация учреждений. От епархиального начальства поступило распоряжение о подготовке к эвакуации всей церковной утвари, для чего отец Иоанн сразу же стал готовить ящики. 6—7 сентября около Юрьева, в 15 верстах от Прилеп, появился немецкий разъезд, что вызвало страшное волнение среди местного населения. Многие стали думать о бегстве из родных мест, начали продавать скот, вещи. Между тем уже несколько недель шли потоки беженцев, усеяв могилами большие дороги. Солдаты гнали стада скота, свиней, которые тоже по дороге в массе погибали. В ночь с 7 на 8 сентября отец

⁴² Там же. Л. 51.

Иоанн окончательно упаковал церковную утварь и все иконы, были сняты и колокола. 8 числа утварь была отвезена на вокзал в Смолевичи и отправлена отдельным вагоном в город Михайлов Рязанской губернии в местный собор для хранения.

8 сентября немцы начали новое наступление в направлении Свентяны—Борисов и 9 сентября прорвали фронт. До Прилеп часто доносилась пушечная канонада со стороны Молодечно, где в это время шли ожесточенные бои. Началось тревожное ожидание появления неприятеля. Многие жители попрятали в землю рожь и картофель, которые впоследствии испортились.

Богослужения отцом Иоанном в это время совершались неопустительно во все воскресные и праздничные дни, служились молебны, совершались крестные ходы вокруг храма. Торжественные богослужения поднимали дух народа.

В октябре стало известно, что неприятель задержан⁴³. Вся Минская губерния получила характер прифронтовой. В войска было призвано мужское население до 43-летнего возраста. Из Прилепского прихода призвали до 400 человек, очень многие из которых впоследствии попали в плен. Артиллерийская канонада слышна была всю осень. На Минск часто налетали немецкие аэропланы.

К сожалению, на фоне потрясений военного времени в Прилепском приходе снова начало развиваться пьянство, умножалось самогоноварение.

21 августа 1916 года состоялось освящение новоустроенной каменной церкви, которое торжественно совершил Слуцкий епископ Феофилакт (Клементьев) в сослужении восьми священников и большого стечения народа. Иконостас в нее был перенесен из старой церкви, а на его месте устроен простой дощатый иконостас с бумажными иконами. Из старой церкви в новую была перенесена и вся утварь, частично возвращенная из эвакуации еще в июле.

⁴³ Фронт стабилизировался по линии Двинск—Поставы—Барановичи—Пинск, и война приобрела позиционный характер.

Во время освящения нового храма собралось небывалое для Прилеп количество народа, и архиерейская служба там совершалась впервые.

Между тем все вреднее сказывалась на жизни прихода близость фронта. Стало появляться много беглых солдат, заводилось тайное винокурение, особенно процветающее в деревне Избицкое, куда за водкой начали приходить даже с фронта.

Но, несмотря на новые трудности, отец Иоанн старался поддерживать приходскую жизнь. Из Чернигова им были выписаны две иконы новоявленных угодников — Св. Питирима Тамбовского, в память о начале постройки в 1914 году церкви, и Св. Иоанна Тобольского, в память об окончании постройки церкви в 1916 году. С нового года были открыты в приходе церковно-приходские школы в Богуте и Усяже. Еще в феврале в Прилепах была открыта лавка «Северопомощь», где продавались дешевые продукты.

В это же время отец Иоанн решил продолжить духовное образование. 31 июля он подал прошение в Петроградскую духовную академию с просьбой принять его в число студентов и 17 августа был зачислен на первый курс. Показательно «Удостоверение», выданное ему епископом Минским и Туровским Митрофаном (Краснопольским) для предоставления в духовную академию: «Сим свидетельствую, что священник Прилепской церкви Минской епархии и уезда Иоанн Пашин принадлежит к лучшей части духовенства. Состоя настоятелем прихода, расположенного среди католического населения, он тесно сплотил около православного храма свою паству. Своей воодушевленной проповедью создал в приходе движение к трезвости и как идейный работник в борьбе за трезвость принимал горячее участие в Московском противоалкогольном всероссийском съезде. Решение продолжить образование в Духовной Академии у него появилось сейчас же после смерти его жены

и, вероятно, выношено было еще во время ее продолжительной болезни.

Настоящее удостоверение выдано о. Пашину согласно его просьбе для предоставления в одну из Императорских Духовных Академий при возбуждении ходатайства о принятии его туда для продолжения образования»⁴⁴.

На время учебы отцу Иоанну пришлось жить в Петрограде, и только во время каникул и кратковременных поездок он мог посещать свой Прилепский приход, настоятелем которого по-прежнему оставался. Нелегко, видимо, было вновь начать учиться после длительного перерыва, когда многое после окончания семинарии уже успело позабыться. Подводило и здоровье. Так, отец Иоанн по пути из Петрограда домой на Рождественские каникулы сильно простудился и вынужден был из-за болезни на целый месяц задержаться с возвращением в академию⁴⁵. Но, несмотря на трудности, его аттестат за первый курс свидетельствует о хорошей успеваемости⁴⁶.

В начале 1917 года Петроград стал центром бурных политических событий. В январе здесь развернулась самая большая в стране политическая стачка, а 23 февраля произошел революционный взрыв, положивший начало Февральской революции. Император Николай II был вынужден под давлением отречься от престола Российской империи, и власть в стране перешла к Временному правительству. Между тем революционные настроения в обществе продолжали нарастать. Революция явилась своего рода социальным детонатором антиправительственных и вместе с тем антицерковных настроений среди люмпенизированных и распропагандированных масс. Классовая ненависть к прежнему государственному строю стала распространяться и на Церковь, которая воспринималась как один из столпов монархии.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 183. Л. 10.

⁴⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁶ Там же. Л. 3—3 об.

Грубо вмешивалось в церковную жизнь и Временное правительство. Так, например, уже в июне 1917 года правительство фактически запретило преподавание Закона Божьего, издав постановление «О передаче Церковно-приходских школ из ведения Церкви в ведение Министерства народного просвещения».

Уже после Февральской революции, когда очевидно стали меняться общественные настроения, отец Иоанн «отошел от всей общественной работы» и занимался «только церковными делами». Лично к нему население Прилепского прихода относилось благожелательно. Как-то лишь поступила на него одна жалоба со стороны местного учителя Зубца о том, что он учил Закону Божьему детей, «но все население прихода представило приговоры, заверенные сельсоветом, что это неправда» и отца Иоанна потому «никуда не вызывали и не допрашивали»⁴⁷.

В 20-х числах сентября отец Иоанн похоронил своего деда — протоиерея Василия Завитневича, рядом с которым находился последние дни и часы его жизни. Как была праведна жизнь отца Василия, так же праведна была и его кончина. В своей жизни отец Василий никогда не болел. И только перед самой смертью, пролежав шесть дней на одре болезни, 20 сентября 1917 года, осенив себя напоследок крестным знамением со словами: «Слава Богу, я умираю», мирно отошел ко Господу⁴⁸. Отец Василий скончался на 90-м году жизни, он был в это время старейшим священником Минской епархии, пробыв в священном сане 66 лет.

Похоронили отца Василия возле церкви в могиле, которую он приготовил для себя еще более чем за 25 лет до своей кончины. По воспоминаниям отца Иоанна, он часто приходил туда и «с любовью осматривал место своего вечного упокоения», как бы радуясь, что его прах будет ожидать воскресения там, где прошла вся жизнь, где отданы все силы, вся любовь.

⁴⁷ Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 19079-с. Л. 2.

⁴⁸ И[оанн] П[ашин], священник. Указ соч.

Последние годы жизни отец Василий жил совсем один. Будучи уже в преклонном возрасте, он овдовел. Дети его давно покинули родительский дом и жили своей жизнью. В Скрыгалове отец Василий доживал свой век, ютясь в маленьком домике, терпя по старости и без помощи близких массу неудобств. Дети и внуки часто звали отца Василия к себе на жительство, обещая ему все удобства, но он всегда отговаривался, никак не желая оставлять родной Скрыгалов. Оставшись без единого рядом сродника телесного, он жил среди тысяч своих духовных детей, и это было для него бóльшим утешением, чем любые удобства, пусть даже и в кругу близких родственников.

Сохранилось письмо отца Василия внучке Софии, написанное им (под диктовку) за четыре месяца до своей кончины, из которого можно судить, каково было состояние старца-протоиерея. Вот что, в частности, писал он о себе: «Теперь повторяя мою благодарность за посылку, сообщаю тебе и папеньке, если ты у него, что я, слава Богу, живу — здоровьем слаб, так быть должно, потому что шестого наступающего июня мне окончится девяносто лет. Зрения, слуха, вкуса нет, а также слаб ногами»⁴⁹.

После смерти своего деда отец Иоанн Пашин написал посвященный ему некролог, в котором описал всю нелегкую жизнь протоиерея Василия Завитневича. Некролог этот был напечатан в 19—20 номере «Минских Епархиальных Ведомостей» за 1917 год. В конце повествования о жизни своего деда отец Иоанн писал: «Зная близко отца Василия, часто слушая его рассказы о былом, мы как смогли открыли несколько страниц жизни старца пастыря... Отец Василий может быть уже “последний из магижан”, но таких пастырей были десятки, сотни в прошлом, и их жизнь, их “болезни и труды” для нас, нынешних пастырей Минской епархии должны служить назиданием и утешением. Эти старые пастыри перенесли на плечах своих много бед,

⁴⁹ Из семейного архива Э.Д. Арсеньевой.

невзгод, напастей, но они, только они спасли здесь “Русь Святую” и “Веру Православную”... Они, только они были искренними радетелями о благе бедных, загнанных панской неволей крестьян. Теперь явилось много радетелей, обещающих несбыточное, и мы смущены, думаем, что мы уже не нужны, что нас не любят... Нет, сопастыри! “Не озирайтесь вспять”, “Не снимайте руки с плуга” (Ев. Луки X, 62), не падайте духом. Вспоминайте отца Василия и ему подобных тружеников. “Болезни и труды” и вас ждут, но истинное благо народу дадите только вы ... из кошницы Христовой»⁵⁰.

В начале 1917/18 учебного года в Петроградской духовной академии встал вопрос о продолжении учебных занятий. Революционные события и наступление немцев к Нарве и на Петроград поставили вопрос об эвакуации петроградских учреждений и предприятий, поэтому занятия в академии были прерваны, и будущее становилось неопределенным. Оставаясь дома в недоумении о том, будет ли продолжен учебный процесс, отец Иоанн в конце октября подал прошение в Совет академии с просьбой разрешить ему перейти на текущий 1917/18 учебный год в Московскую духовную академию. Совет действительно направил в Москву отношение с просьбой зачислить священника Иоанна Пашина в Московскую академию⁵¹. Отец Иоанн надеялся, что сможет продолжить учебу, и ввиду связанного с ней временного своего отсутствия на приходе ходатайствовал о рукоположении дьякона Якова Трохоновича вторым священником к Прилепской церкви. Священническая хиротония Трохоновича совершилась 13 августа. Но отцу Иоанну, к сожалению, так и не удалось продолжить духовное образование. «После же революции при переменах власти» он, по его собственному свидетельству, «никуда из села Прилепы не уезжал»⁵².

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 183. Л. 3.

⁵² Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 19079-с. Л. 3.

В конце октября 1917 года в России произошел большевистский переворот. В стране началась кровопролитная гражданская война. В Восточной Белоруссии большевики во главе с Фрунзе без всякого сопротивления захватили власть, создав в Минске Совет Народных Комиссаров Западного фронта во главе с латышом Ландером.

1917 год в жизни Прилепского прихода ничем особенным не ознаменовался. Между тем революционные идеи все заметнее проникали во все слои прихожан. Нравственное разложение и хаос этого страшного времени, проникая в сердца людей, овладевали ими, заражали неверием, калечили и убивали души. Распространяющиеся вокруг пагубные тенденции очень тревожили многих, в том числе и отца Иоанна. Со скорбью он замечал, как всеобщее разложение все более проникает и в среду его прихожан. Вот что писал об этом отец Иоанн в приходской летописи: «Посещение церкви некоторыми заменяется посещением местечка Городка, где в воскресные и праздничные дни бестолковые сходы, люди увлекаются говорением. Много говорят о земле — наболевший вопрос. В церкви во время проповеди раздаются замечания в полголоса, вообще в церкви молодежь начинает вести себя не всегда прилично. Во время Богослужения массы вокруг храма. Ложно понимают свободу, развивается неуважение к чужой собственности. Под влиянием речей разных ораторов многие с неуважением относятся к пастырю, влияние пастырского слова ослабевает. Слушают того, кто обещает много дать. В Прилепском имении лето проводит военная ветеринарная часть с больными лошадьми. Многие солдаты занимаются вредной пропагандой, сказывается дурное нравственное влияние. Пьянство усиливается, хулиганство и воровство. Гнать водку из ржи начинают почти в каждой деревне. В ноябре население, даже женщины довольно единодушно участвуют в выборах в Учредительное собрание и почти все подают записки

за крайнюю партию (большевиков), выставившую своим знаменем крайние требования»⁵³.

Разложение русской армии привело к тому, что 25 февраля 1918 года германские войска беспрепятственно заняли Минск.

В марте 1918 года в Бресте большевики заключили мир с немцами, после чего с ноября того же года началась эвакуация немецких войск из Белоруссии. Население встретило постыдный Брестский мир довольно холодно. В Прилепы солдаты стали возвращаться с фронта еще до мира, правда, только немногие из них были разочарованы таким завершением войны. Вся военная одежда, обувь, снаряжение разносились по домам. Деревня стала одеваться и обуваться в армейское достояние. Минский рынок был завален военным имуществом. Повсюду увеличивалась преступность, ночные грабежи стали обычным явлением. Власти практически не было.

В ночь на 1 мая в Прилепской церкви было совершено ужасное святотатство. Воры просверлили буром дверь в пономарку, взломали замок и похитили из алтаря серебряную дарохранительницу со Святыми Дарами, ковчежец от старой дарохранительницы, тоже со Святыми Дарами, сосуд со Святым Миром, два напрестольных трехсвечника, чашу «старинного серебра», серебряный дискос, подсвечник с жертвенника, из пономарки — кадильницу и сборное блюдо, оборвали и унесли завесу с Царских врат. Ночной сторож пьянствовал в эту ночь в деревне Погорельцы, поэтому воры смогли беспрепятственно совершить кражу. Все усилия найти украденное и обнаружить преступников оказались безуспешными. «Великое Божие испытание постигло нашу церковь! — с горечью писал отец Иоанн в приходской летописи. — До 400 рублей было потрачено на розыски похищенного и похитителей — все тщетно... Стоимость украденных вещей свыше 2000 рублей, но глав-

⁵³ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 52.

ное не материальная потеря, а святотатство, похищение Св. Даров, Св. Мира... Что злодеи сделали со святыней? Душа болит, как подумаешь...»⁵⁴.

В конце года в Прилепах было совершено еще одно страшное преступление. В ночь с 16 на 17 декабря возле дома священника был зарублен топором церковный сторож Максим Лукич Коранкевич — солдат, родом из Прилепской Усяжки, месяц как вернувшийся из плена. Несчастный скончался, не приходя в сознание. При выяснении обстоятельств оказалось, что какие-то злоумышленники пытались увести лошадей «запашника» из усадьбы священника и уже разобрали забор возле скотного двора, взломали замки, но в это время сторож, спустившись с горы, шел к себе домой погреться. Воры, видимо испугавшись, что могут быть замечены Коранкевичем, напали на него из-за угла и изрубили топором голову. Падая, несчастный успел закричать. На крик выбежал отец Иоанн и домочадцы, однако преступники уже скрылись. «Господь да воздаст им! Горе Прилепам! Каким несчастным стало это место!» — писал отец Иоанн⁵⁵.

Через две недели в Прилепах был убит из ружья местный кузнец Николай Барткевич, вышедший ночью из дома и встретивший проезжавших грабителей, ограбивших в эту ночь мельника в деревне Карпиловка и везших оттуда добычу.

С уходом в конце 1918 года немецких войск, убийства и грабежи стали повсеместным явлением. В Прилепском приходе грабежи совершались каждую ночь, причем грабителей все знали. Это была организованная банда из жителей окрестных деревень. Поймать их не удавалось, а если бы даже и поймали, то, кроме самосуда, никакого наказания особо применить не было возможно. Самосуды же действительно случались. Так, в конце декабря 1917 года в деревне Шпаковщина жителями был произведен самосуд

⁵⁴ Там же. Л. 52 об.

⁵⁵ Там же.

над двумя «закоренелыми преступниками» — братьями Герасимовичами, державшими в страхе всю деревню. Разъяренная толпа избила их до смерти и не позволила даже родным хоронить на местном кладбище.

Во время оккупации, длившейся с февраля по ноябрь 1918 года, немцы еще как-то заботились о населении и о порядке, так как они брали у населения продукты питания. Так, например, был установлен яичный сбор — по одному яйцу с курицы в неделю. Причем со священника брали в первую очередь, как бы для примера всем остальным. Отец Иоанн вспоминал об этом времени, что «пришлось увидеть и познакомиться с немецкими гордостью, жестокостью, неуступчивостью, а в то же время и с качествами, которых у нас недостает: любовью к родине, сознанием достоинства, аккуратностью, исполнительностью».

Осенью немцы забрали у населения часть урожая. Кроме того, оккупационные власти запретили ввоз съестных продуктов в города, отчего городское население сильно страдало от недостатка продовольствия. Между тем повсюду процветало пьянство. Немцы смотрели на изготовление самогона сквозь пальцы. Самогон стал гнать всякий, кому было охота, причем нередко на него тратились последние запасы муки. Многие жители Прилепского прихода находили себе заработок продажей самогона в Минске. Усерднее всех в это время его гнали в деревне Усяжа. Вообще на самогоноварение уходило очень большое количество хлеба. Многие сидели, особенно весной, без хлеба, варили себе в пищу травы — «мятиво», так называлось это блюдо.

В первый послереволюционный год стало меняться и религиозное настроение народа, заметно уменьшилось число богомольцев в храме, не стало той охоты и усердия к богослужениям, которые были у людей в годы войны. Народ как бы разочаровался и, «не осмыслив еще происшедшего переворота и всех последствий революции, а также нашествия немцев и как бы потери отечества», считал, что «вместе со

старым строем должен исчезнуть и религиозный культ». Отцу Иоанну нередко приходилось слышать слова разочарования и упрека: «Молились, молились, а чего дождались...». Однако к концу года «с воцарением большевизма, его пренебрежение и почти гонение религии, уродливые формы жизни им проповедуемые», заставили население снова искать утешения в вере⁵⁶.

С окончательным уходом немецких войск в Белоруссии начали устанавливать свою власть большевики. 1 января 1919 года в Смоленске было объявлено об учреждении в границах шести уездов Минской губернии Белорусской Социалистической Советской Республики.

В 1919 году в Прилепский приход были возвращены церковные вещи, вывезенные в 1915 году в Рязанскую губернию. К 20 апреля (по новому стилю) к празднику Пасхи повесили возвращенные колокола, и после почти четырехлетнего перерыва над Прилепами раздался колокольный звон, вызвавший у всех огромную радость. В том же году для новой церкви, несмотря на увеличивающуюся дороговизну, было приобретено несколько больших икон и четыре подсвечника.

В это время уже шла советско-польская война. Возрожденное Польское государство во главе с Иосифом Пилсудским в феврале 1919 года начало военную интервенцию на территории Белоруссии, захватив к апрелю Лиду, Барановичи, Вильно. В конце весны польские войска уже подошли к Минску.

Новые бедствия грозной тучей нависли над населением, которое не успело еще оправиться после немецкой оккупации. В Прилепском приходе к концу весны обнаружилась такая скудость хлеба, что многие жители вынуждены были почти до середины лета питаться похлебкой из травы. Советская власть в это время начала призывать молодежь в армию, но почти никто не хотел идти. Население в общей

⁵⁶ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 53.

массе не сочувствовало большевикам, «особенно за реквизиции и призыв в военную службу». В Минске большевики развернули страшные репрессии. Там шли бесконечные аресты и происходили частые расстрелы. Ко всему прочему в окрестностях Минска появилась так называемая зеленая армия — из дезертиров и сыновей хуторян, в основном пострадавших от большевиков.

В июне большевики объявили призыв духовенства в ополчение для тыловых работ. Священники Прилепской церкви Иоанн Пашин и Яков Трохонович были вызваны особой повесткой в волостной исполнительный комитет для регистрации. В ближайшее после этого воскресенье отцом Иоанном был созван приходской сход для обсуждения возникшей проблемы. Однако на сходе сначала не было единодушия — жители деревни Аношки, особенно молодежь, восстали против отца Иоанна и заявили, что «ему надо идти на службу, как и нам», а священником у них останется отец Яков. Но после горячих споров сход все же постановил просить об освобождении от призыва обоих священников. Позицию аношковцев отец Иоанн объяснял желанием поселян захватить церковную землю, которая прилежала к их земле. Аношковские крестьяне думали, что если избавятся от отца Иоанна, то отец Яков будет довольствоваться меньшим участком, что позволит им забрать часть церковной земли. Горько все это было переживать пастырю от своих подопечных. Хотя на сходе было мало представителей из других деревень, тем не менее они все единодушно восстали против аношковцев. Приговор церковного схода и некоторые другие документы были представлены в уездный исполком. Вскоре дело о призыве духовенства остановилось вовсе, и никто не слышал, чтобы в округе кто-либо из духовных лиц был призван в ополчение.

Однако разговоры о церковной земле вынудили созвать по этому вопросу 24 июня новый приходской сход. На сходе, хотя и малолюдном, было решено оставить церковную землю в пользовании причта. Возможно, решение

было бы и другим, если бы не всеобщая уверенность, что скоро в Минске и его окрестностях установится новая власть. Ходили слухи, что вместе с польскими войсками идут русские и французы, что поляки ведут идейную войну с большевизмом.

Между тем фронт приближался все ближе. 26 июля усиленная артиллерийская стрельба с раннего утра кончилась тем, что около полудня по всем дорогам началось нестройное отступление частей Красной Армии. Вслед за ними двигались поляки, «зверски убивая отставших». В этот день во время отпевания в храме младенца несколько пуль ударило в крышу и стены церкви. Бои в окрестностях продолжались еще около недели, пока Красная Армия не отступила за реку Березину. Началось владычество поляков.

В приходской летописи отец Иоанн писал: «Сразу стало ясно, что поляки захватили этот край с целью включения его в свое Царство Польское или восстановления границ 1772 года. Терпимо относились поляки только к православии, но русской народности (белорусов. — Г.Щ.) и русского языка не признавали. В Минске все вывески велено было переделать на польский язык, вместо волости появилась гмина, войт вместо старосты, вся деловая переписка — на польском языке, только речь разговорная осталась русская. Установилась вновь свободная торговля, запрещенная было большевиками. Цены на все пали, появилось много всяких продуктов. <...> Деньги в обращении были сначала только царские, но потом появились польские марки, стоившие в начале наравне с русским рублем, но впоследствии упавшие наполовину или даже на треть рубля. Русские на службу, на государственные должности не принимаются. Местное население крайне обременяется подводной повинностью: раза два в неделю надо возить дерево из казенного леса к железной дороге, всякий солдат тоже требует подводу, хотя бы на самое малое расстояние, в Минске на базаре берут подводы и заставляют везти дрова из Комаровского леса, при всем этом бывает наглое надругательство над

личностью человека. Реквизия продуктов не особенно тягостна для населения...»⁵⁷.

В пределах Прилепского прихода расположилось несколько небольших частей польской кавалерии, «от которых немало страдало население: надо было давать корм для лошадей и их кормить и часто удовлетворять их все прихоти». Как-то в свой католический сочельник поляки в деревне Рудня поздно вечером нагайками загоняли девушек в местное училище и требовали танцевать с ними.

Хотя поляки и пытались установить свою власть, они не могли совладать с развившейся преступностью. По-прежнему повсюду продолжались грабежи и убийства. Не один хутор не оставался без нападения. В самих Прилепах в августе 1919 года было совершено бандитское нападение на дом еврея Юды Фреймана и убито пять человек. В конце года много людей в приходе умерло от оспы.

В религиозном отношении поляки отличались терпимостью, и стеснения в богослужениях никакого не было. Однако в приходских школах вместе с русским языком было введено обязательное преподавание польского языка. Население было этим недовольно и стало заводить свои школы грамоты. В это время прихожане Прилепского прихода, «под чужим владычеством, при чужом языке», стали более спланиваться и «льнуть к церкви, к духовенству».

Вспоминая события 1920 года, отец Иоанн отмечал в приходской летописи, как необычайно людно прошла в этом году Пасха и что никогда в Прилепской церкви не бывало в этот праздник столько народу. Связано это было, правда, с отнятием поляками в начале года соседней Крестогорской церкви, бывшей некогда католическим костелом. В свое время, за участие католического духовенства в польском восстании 1863—1864 годов, а также в связи с тем, что население в районе Крестогорского

⁵⁷ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 54 об.—55.

костела в большинстве своем было православным и не имело своего храма, костел был предан в православное ведомство. Таких храмов в Белоруссии было немало. Теперь, воспользовавшись ситуацией, католическая церковь решила вернуть себе свое достояние. В октябре 1919 года вышло «распоряжение генерального комиссара восточных земель, касающееся возвращения римо-католическому духовенству костелов и каплиц, переданных в храмы греко-российского исповедания».

Надо отметить, что вообще 1920 год ознаменовался в Прилепском приходе оживлением приходской жизни. Так, в мае было совершено крестным ходом трехдневное паломничество к чудотворной иконе Божией Матери в деревню Крупцы близ Минска. Все участники крестного хода были чрезвычайно рады совершенному паломничеству. Каждому из них отец Иоанн в ближайший воскресный день «в благословение за совершенный подвиг» подарил по крестик. Минский епископ Мелхиседек (Паевский) выдал приходу особую грамоту и благословил иконой Святителя Иоасафа Белгородского. В память о паломничестве были сделаны две хоругви из золотой парчи с изображениями Св. Николая Чудотворца и Покрова Божией Матери.

Яркое впечатление в душах прихожан оставил в этот год праздник Рождества Иоанна Крестителя. В день праздника из Косино в Прилепы к литургии пришел крестный ход во главе со священником Александром Рункевичем и участвовал в общем крестном ходе на источник. К этому дню по инициативе отца Иоанна Пашина было устроено 20 детских хоругвей, придавших особую красоту и трогательность праздничному шествию.

«Крестным ходом в Крупцы и торжественным празднованием дня Иоанна Крестителя, — писал отец Иоанн, — православное население прихода укрепились духовно на грядущие бедствия, начавшиеся на другой день праздника, а именно отступление поляков, военные действия большевистских войск и прохождение войск и обозов».

Движение польских войск, отступающих под натиском Красной Армии, началось 25 и кончилось 27 июня, когда уже пошли красные войска. Эти дни «были ужасным бедствием для людей». Поляки отнимали лошадей и скот, врывались в дома и грабили. Крестьянам, чтобы спасти свое имущество, приходилось с лошадьми и скотом сидеть в лесу. 27 июня утром началась артиллерийская стрельба — стреляли красные из деревни Избицкое, а в Прилепах и Рудне еще были последние цепи поляков. В 12 часов дня поляки ушли, а в 3 часа уже пришли красные. Первые дни почти непрерывно двигались войска Красной Армии. Грабежа не было, но в подводы брали всех, кто попадался. Многие пробыли в обозе по два месяца и более и возвращались без лошадей или приводили домой лошадей сильно изнуренных. У многих под угрозой оружия лошадей просто забрали. После прохода армии без лошадей осталось около трети хозяев.

Один из современников событий того времени, сельский житель, впоследствии вспоминал: «В связи с войной никто нас (крестьян. — Г.Щ.) не миловал. И одна и другая сторона старались использовать местные ресурсы в своих целях. А местные жители старались от одних и от других уберечь свою жизнь, свое имущество, своих лошадей, скот, хлеб. Знали ведь хорошо, что придет время — война окончится, и за кем бы ни осталась победа, местному жителю придется обживать разоренную землю»⁵⁸.

Отступление поляков и наступление Красной Армии было очень стремительным, так что фронт сразу отодвинулся на сотни верст. Появилась возможность «произвести уборку с полей, сделать сенокос и посеять рожь», однако почти половина сенокосов была съедена лошадьми проходивших войск. В середине августа стали доходить слухи об отступлении Красной Армии. Первые отряды отступающих прибыли в деревню Аношки в праздник Успения и

⁵⁸ *Баслык Евстафий, священник. Записки священника Евстафия.* — Минск: Лучи Софии, 2005. — С. 29.

простояли там около двух недель. Затем некоторое время было затишье, и только в сентябре стал слышаться отдаленный гул канонады. Во второй половине сентября началось настоящее отступление Красной Армии, ставшее новым бедствием для населения. Крестьянам с оставшимися лошадьми пришлось прятаться в лесу почти месяц. Реквизировался скот, особенно свиньи и овцы. Забирали хлеб, овес и последнее сено, не говоря уже о том, что солдаты кормились у населения, требуя самое лучшее. Многие жители из-за всего этого пострадали до крайности. Войска двигались взад и вперед около двух недель, так что люди измучились страшно. Реквизиция превратилась в открытый грабеж. Часто под дулами револьверов отнимались деньги, одежда. Отец Иоанн Пашин тоже подвергся отнятию денег «при наведенных револьверах» двумя грабителями-казаками. Населению «приходилось дрожать день и ночь». Лишь к середине октября выяснилось положение фронта, который установился в 20—30 верстах от Минска на западе. Войска расположились по деревням и стояли до середины ноября, а в некоторых деревнях и всю зиму. Особенно жестокая реквизиция была в октябре на свиней и овец, причем часто забирали последнюю скотину.

Войска принесли с собой сыпной и возвратный тиф, от которого в приходе умерло очень много жителей, особенно стариков.

Кроме бедствий от войны народ пострадал еще от неурожая яровых посевов, особенно овса, вследствие небывалой засухи. Много овса скосили прямо на траву. От засухи обмельчали колодцы. Особенно сухая погода была в июне и июле. С начала августа пошли дожди, так что в лесу появилось много грибов, кроме того, уродился превосходный урожай фруктов, и урожай ржи оказался выше среднего. Все это спасло население от голода.

Так как красные войска в сентябре отступали, все жители Прилепского прихода, служившие в Красной Армии, самовольно возвратились домой, оказавшись дезертирами.

С прекращением отступления Красной Армии в октябре началась их беспощадная ловля, так что последним приходилось скрываться по домам в тайных местах, в лесу или в поле, живя в землянках. В имении Высокое был пойман проходящий дезертир и там же расстрелян. Та же участь постигла одного местного парня в деревне Дубров, а в Логойске был расстрелян за дезертирство житель деревни Избицкое. У родителей дезертиров часто в наказание реквизировали весь скот или другое имущество.

18 марта 1921 года в Риге между Советской Россией и Польшей был подписан мирный договор, объявивший о прекращении войны. Согласно договору Белоруссия разделялась на две неравные части. Западная ее часть с городами Вильно, Пинск, Брест, Гродно, Новогрудок и другими отошла к Польскому государству, а обширная восточная часть осталась под властью большевиков.

Постепенно советская власть начала реализовывать и в Восточной Белоруссии уже повсеместно развернутую широкомасштабную программу борьбы с религией. Как и повсюду, здесь началось активное проведение в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. Так одним из условий его осуществления была передача церковных метрических книг в органы ЗАГС⁵⁹. 13 августа 1920 года отцу Иоанну поступило требование волостного ревкома Минского уезда о срочной сдаче метрических книг «для записей рождения, браков и умерших за все и текущие годы». В ответ на это требование отец Иоанн собрал приходское собрание в количестве 250 человек, которое постановило просить ревком отсрочить на некоторое время сдачу книг «ввиду необходимости снять копию с таковых книг для народных надобностей при заключении браков, крещениях, погребениях». Вероятно, перепись метрических книг затягивалась, и поэтому 17 ноября 1920 года тот же волостной рев-

⁵⁹ 18 декабря 1917 г. принят декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», уничтоживший старый порядок ведения актовых записей.

ком направил прилепскому священнику еще одно письмо с требованием немедленной передачи метрических книг. «За неисполнение сего, — говорилось в требовании, — Вы будете привлечены к ответственности по закону военно-революционного времени»⁶⁰.

Однако, несмотря на такие жесткие требования, отец Иоанн видимо все же продолжал снятие копий с метрических книг, так как и после этого письма книги еще не были переданы в органы ЗАГС. В марте 1921 года ему пришло очередное требование о передаче книг. К письму была приложена копия циркуляра Наркомата Внутренних Дел Центрального отдела записи актов гражданского состояния от 1 марта 1921 года за №2348 города Минска. В циркуляре, в частности, говорилось: «В целях проведения в жизнь в пределах Белоруссии декрета Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от Государства и в виду обнаруженных случаев, когда духовные лица, игнорируя декрет, продолжают считать себя достаточными лицами, ведя записи актов гражданского состояния и выдачи справки, снабжая таковые печатями. Народный Комиссариат Внутренних Дел постановляет отобрать от духовных лиц все метрические книги, заключающие в себе какие бы то ни было записи актов гражданского состояния, равным образом метрические бланки, печати и все что сможет иметь хотя косвенное значение к записям актов гражданского состояния, обязав подпиской, на будущее время не вести таковых записей актов гражданского состояния под страхом ответственности за неисполнение сего пред Революционным Трибуналом»⁶¹. В нем также говорилось, что местные подотделы ЗАГС могут привлекать в случае надобности и милицию.

Метрические книги в конце концов были из церкви изъяты, и отец Иоанн хранил у себя переписку, предшест-

⁶⁰ Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 19079-с. Л. 2.

⁶¹ Там же.

вовавшую их изъятию, которая впоследствии была использована против него как улика.

Не взирая на все трудности, отец Иоанн продолжал устраивать приходскую жизнь. В 1921 году в Прилепскую каменную церковь был перевезен и установлен великолепный иконостас, принадлежавший до этого Свято-Духову храму минского мужского монастыря, закрытого в 1920 году поляками.

Иконостас был передан Прилепской церкви согласно резолюции Минского епископа Мелхиседека во временное пользование до восстановления монастыря. В феврале иконостас был перевезен в Прилепы. Так как иконостас разбирался в свое время крайне небрежно и был свален без всякого порядка в разных помещениях женского монастыря, то пришлось затратить много времени, труда и средств, чтобы вновь составить его на месте, а некоторые недостающие части пришлось доделать. В Вербное воскресенье иконостас был освящен.

Кроме иконостаса были получены еще пять киотов и семь икон⁶² из церкви бывшего Свято-Духова монастыря. Кроме того, в Минске был случайно найден в помещении, занимаемом пожарной командой, киот с иконой Св. Великомученика Пантелеимона. Благодаря иконостасу, киотам и иконам, Прилепский каменный храм стал внутри очень благообразным. Старый иконостас был разделен на пять киотов и расставлен по храму, прекрасно дополнив общее украшение храма.

Кроме этого, для церкви были приобретены колокола весом в 100 пудов, всего шесть колоколов, из которых самый большой весил около 60 пудов. К празднику Рождества Христова колокола были подняты.

⁶² Среди этих икон были: запрестольный образ Св. Троицы и два больших образа Свв. Кирилла и Мефодия и Свв. Косьмы и Дамиана, в киотах три иконы Свв. Архидиакона Стефана и Лаврентия и Вмц. Варвары.

В том же 1921 году Прилепы посетил Минский епископ Мелхиседек (Паевский), объезжавший приходы епархии и встречающийся с местным духовенством.

В летописи Прилепской церкви сохранился живой рассказ-воспоминание о приезде владыки Мелхиседека. Это событие в истории прихода отец Иоанн отнес к ряду выдающихся. Приезд владыки состоялся в воскресенье 22 августа по случаю 5-летия освящения нового Прилепского храма. Прибывшего из Минска епископа прихожане встречали крестным ходом, во время которого один из прихожан поднес ему хлеб-соль. Вместе с архиереем в Прилепы приехали ключарь кафедрального собора протоиерей Антоний Киркевич и еще восемь священников из близлежащих церквей. Во время совершавшейся Божественной литургии в храме антифонно пели два хора: соборный и местный. По окончании службы Преосвященный Мелхиседек обратился с проникновенным словом к собравшимся. «Посещение владыкой Прилеп, — констатировал отец Иоанн, — оставило неизгладимое впечатление в сердцах прихожан и всех богомольцев, что особенно важно в нынешнее время преследования православия и шатания слабых умов. Прихожане отнеслись очень сочувственно к посещению владыки, приняв на себя все угощение гостей, доставку их из Минска и обратно. Накануне девушки и женщины гирляндами из зелени и цветов украсили внутри церковь. Нашлись любители, устроившие две красивые арки. Словом, стремление было единодушное оказать достойный прием дорогому гостю»⁶³. В то нелегкое время начавшихся гонений на Церковь приезд Преосвященного владыки, видимо, очень ободрил людей. В свою очередь и сам владыка порадовался тому, что стараниями отца Иоанна Пашина на приходе поддерживалась живая атмосфера церковной жизни. Вероятно, именно тогда он обратил внимание на отца Иоанна как на возможного кандидата в епископы.

⁶³ Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса. Л. 59 об.

1922 год в церковно-приходской жизни ознаменовался «приведением в жизнь декрета об отделении Церкви от государства». В августе пятью уполномоченными от прихожан было заключено у нотариуса условие на бессрочное пользование верующими храмом и всем находящимся в нем имуществом (по описи). Пошлины по условию стоили 57 миллионов (около 10 рублей золотом). На покрытие этого расхода в приходе был произведен сбор: по одному куриному яйцу с человека или по 50 рублей.

Еще об этом времени служения отца Иоанна на Прилепском приходе известно, что в начале 1922 года он открыл в своем доме школу, «где разучивал с детьми религиозные песни и историю Ветхого и Нового завета»⁶⁴.

⁶⁴ Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 19079-с. Л. 50.

Автономная Белорусская митрополия

Весной 1922 года власти обрушили на Русскую Православную Церковь волну гонений, связанных с изъятием церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья. В мае 1922 года был арестован Святейший патриарх Тихон, а Высшее церковное управление вскоре перешло в руки так называемых обновленцев и живогерковников, официально поддержанных советской властью. Обновленцы выступали за отмену важнейших канонических основ церковной жизни, поэтому их всячески поддерживали власти, заинтересованные в расколе Церкви, ее ослаблении и постепенной ликвидации. Образованное в Москве обновленческое Высшее церковное управление направило своих представителей и в Белоруссию, где они стали организовывать свои церковно-административные структуры.

После ареста патриарха Тихона законно Русскую Православную Церковь возглавил его заместитель — Ярославский митрополит Агафангел (Преображенский). Однако, не имея разрешения властей проживать в Москве и реальной возможности управлять Церковью, он 18 июня 1922 года издал окружное послание к епископам, в котором писал: «Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной Власти»⁶⁵.

Еще до появления обновленческого раскола в Белоруссии в последние годы резко обострилась другая проблема, заметно влиявшая на местную церковно-общественную жизнь.

⁶⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917—1943. — М., 1994. — С. 220.

Со времени польской оккупации в 1919—1920 годах, а затем с ужесточением преследования советской властью религии и особенно Православной Церкви как самой массовой и влиятельной религиозной организации, в Белоруссии активизировалась римо-католическая пропаганда. Вновь проповедники католицизма настойчиво заговорили об унии.

Католическое духовенство преподносило православному населению церковные дела так, особенно после ареста патриарха Тихона, что Русская Православная Церковь, утратив своего главу, обречена в условиях гонений на скорое исчезновение. Положение же римо-католической церкви представлялось стабильным и непоколебимым, так как видимый ее глава — папа римский — пребывал вне влияния богоборческого режима. В виде выхода из сложившейся ситуации предлагалась старая уловка, а именно церковная уния. Естественно, что в условиях ужесточившихся гонений на Православную Церковь, начавшейся церковно-административной неразберихи и непредсказуемости дальнейшего развития событий в церковной жизни, среди православного населения началось определенное брожение.

Вот что писал о сложившейся обстановке владыка Мелхиседек (Паевский) в одном из своих писем патриарху Тихону: «Характерной чертой отношений римско-католицизма к православию на Западной окраине России на протяжении всей истории является факт умелого использования обстоятельства жизни Православной Церкви. Так было и на сей раз. Можно сказать, что за последний период ни одно явление в Православной церковной жизни не вызывало столько надежд у Римских пропагандистов, как события последнего времени. Пропганда унии и прямо католицизма была проведена с особой энергией. Всюду распространялись воззвания о том, что Православная Церковь погибла, Бог отступил от нее, история произнесла свой приговор над нею и явно для всех подтвердила всегдашние суждения Рима о русской Католической Церкви, причем обещаны были самые широкие льготы и сохранение всех

особенностей церковной жизни и т.д. Пропаганда эта приняла самые широкие размеры, простой народ заколебался. Опасность положения стала очевидна. Медлить дальше было нельзя, надо было подорвать враждебную агитацию в самом корне, ясно и осязательно для всех. Дела Православной Церкви за рубежом тоже давали не малый материал для усиления пропаганды»⁶⁶.

Православные церковные деятели Минской епархии начинали в это время на специальных собраниях активно обсуждать способы противодействия как общественной смуте, так, в частности, и «местной противоправославной пропаганде». Бесспорно, в таких собраниях участвовал и священник Иоанн Пашин. В результате, после неоднократного и тщательного обсуждения положения церковных дел был «твердо поставлен на первую очередь» вопрос «об автономии Белорусской церкви, как наиболее могущий послужить условиям и потребностям данного момента церковно-исторической жизни»⁶⁷.

Для разработки проекта автономии была образована специальная комиссия. В основу проекта легли два положения: «1) стремление сохранить, путем автономии, законную иерархию и 2) оказать противодействие пропаганде, принявшей угрожающие размеры»⁶⁸. Основанием же провозглашения автономии послужило постановление патриарха Тихона и Священного Синода в Москве от 7/20 ноября 1920 года за №362 о предоставлении епархиальным архиереям больших полномочий и прав в деле устройства церковной жизни в их епархиях, включая создание митрополичьего округа. В этом постановлении, в частности, говорилось: «В случае, если епархия окажется вне всякого общения с Высшим Церковным управлением или само Высшее Церковное управление во главе с патриархом

⁶⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 24–25.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде временного высшего церковного правительства или митрополичьего округа, или иначе). В случае невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной мерой представляется разделение епархий, для чего епархиальный архиерей: а) предоставляет преосвященным своим викариям все права епархиальных архиереев, б) учреждает по соборному суждению с прочими архиереями епархий новые архиерейские кафедры с правами полусамостоятельных или самостоятельных»⁶⁹.

После неоднократного и длительного обсуждения дела во всех подробностях духовенство Минской епархии «во имя блага церковного» решилось на провозглашение автономии Белорусской Церкви, находящейся на территории Белорусской Советской Республики. По всеобщему мнению уже сам факт объявления автономии должен был иметь огромное стратегическое значение в борьбе с католической пропагандой. А чтобы деяние это не носило чисто бумажный, так сказать декларативный характер, но получило в глазах народа вид конкретного действия, было решено Минского епископа объявить митрополитом Белорусским.

С провозглашением автономной Белорусской митрополии владыка Мелхиседек (Паевский) в то же время получал прекрасную возможность сохранять определенную независимость и от обновленческого Высшего церковного управления, временно узурпировавшего церковную власть. Права автономии в какой-то степени должны были предохранить местную Церковь от строгого, неукоснительного подчинения обновленческому Высшему церковному управлению, оставляли возможности для маневра

⁶⁹ Цит. по: *Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической и государственной жизни.* — Минск, 1990. — С. 258.

в сложившейся ситуации, и, в конечном итоге, позволяли выиграть время.

По всей видимости, представители обновленческой иерархии узнали о подготовке автономии и, чтобы помешать ее осуществлению, попытались действовать через власти, с которыми сотрудничали. Накануне провозглашения автономии ОГПУ изъяло из епархиальной канцелярии все подлинники документов, касающиеся Белорусской митрополии. Тем не менее это обстоятельство не помешало осуществлению задуманного.

Провозглашение автономной Белорусской митрополии состоялось 23 июля 1922 года в Минском Свято-Петропавловском кафедральном соборе перед Божественной литургией при огромном стечении молящихся, заполнивших до тесноты не только обширный собор, но и всю прилегающую площадь, при участии всего городского и представителей епархиального духовенства (до 60 человек). После обычной архиерейской встречи владыка Мелхиседек остановился на амвоне посреди храма. Кафедральный протоиерей Алексей Костюченко, приняв архиерейское благословение, во всеуслышание провозгласил с соли: акт: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Православные клир и миряне бывшей Минской епархии, свято храня догмат о единстве Церкви и прочие догматы нашей святой веры, сохраняя каноническую связь с законным священноначалием Православной Церкви Российской и руководствуясь не лицемерным и горячим стремлением к благу Православной Церкви и укреплению праотеческой православной веры, постановили объявить Православную Церковь, находящуюся в пределах независимой Советской Республики Белоруссии, самоуправляющейся в делах местного значения (автономной). На настоящее постановление испросить в свое время благословение Высшей Законной Церковной Власти, от коей будет зависеть также и точное указание пределов и условий такого самоуправления на будущее время.

Единодушно и единогласно просить Архипастыря нашего Преосвященного Мелхиседека, Епископа Минского и Туровского, принять отныне именование “Митрополита Белорусского и Минского”, как видимое выражение возвещаемого ныне самоуправления Белорусской Церкви в делах внутреннего характера, а также просить озаботиться скорейшим восстановлением епископских кафедр в Белоруссии в городе Слуцке, древнем Турове, Бобруйске и Борисове»⁷⁰.

По прочтении акта депутация от духовенства и мирян поднесла владыке Мелхиседеку белый клобук, после чего были провозглашены многолетия и воспето всеми присутствовавшими «Тебе Бога хвалим», затем совершена была торжественная литургия при небывалом количестве священнослужителей и молящихся. Акт о совершившемся, после общего подписания, решено было хранить в кафедральном соборе.

Само событие провозглашения автономной Белорусской митрополии было радостно встречено практически всем православным населением Минского края.

Для управления автономной Церковью было создано Белорусское Церковное Управление под председательством митрополита.

Стремясь укрепить свои позиции и во исполнение акта провозглашения Белорусской автономии о «скорейшем восстановлении епископских кафедр в Белоруссии», владыка Мелхиседек задумал совершить несколько архиерейских хиротоний, посвятив в епископы надежных и преданных православию лиц. Одним из них стал протоиерей Иоанн Пашни. Однако официально совершить намеченные хиротонии можно было только с согласия обновленческого Высшего церковного управления. Исходя из этого Преосвященный Мелхиседек предложил отцу Иоанну формально войти в обновленческое движение с тем, чтобы получить право быть выдвинутым для посвящения в епископы. «Авторитетнейший священник

⁷⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 26.

Пашин»⁷¹, как характеризовали его в ОГПУ, подчинился мудрому решению митрополита, возглавив условную «обновленческую» группу Минского уезда⁷². Вот уж воистину исполнялись слова Спасителя: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10. 16).

7 апреля⁷³ 1923 года в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, совпавший в тот год с Великой субботой, в Минском кафедральном соборе при участии около 2000 молящихся протоиерей Иоанн Пашин был возведен в сан епископа Мозырско-Туровского викариатства. Кроме Преосвященного Мелхиседека в его хиротонии принимали участие епископы: Венедикт (Алентов) из Вязьмы и Феофан (Березкин) из Гжатска. 15 апреля новопосвященный владыка выехал в Мозырь, где возглавил празднование Антипасхи⁷⁴ (Фоминой недели). Затем, после посещения Минска, он окончательно обосновался в городе Петрикове⁷⁵, откуда был родом, поселившись в доме Буховича по улице Карла Либкнехта.

⁷¹ Центральный Архив КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

⁷² Несмотря на кажущуюся соблазнительность действий митрополита Мелхиседека, Святейшим Патриархом Тихоном он был признан православным архиереем. Патриарх, освободившись в мае 1923 г. из заключения и вернувшись к управлению церковными делами, официально засвидетельствовал православие владыки Мелхиседека (Паевского). Среди сохранившихся актов Святейшего Патриарха Тихона имеется свидетельство: «1923 г. августа 18 В(ысокопреосвященн)ого Мелхиседека признаю православным и находящимся в каноническом общении с Нами; почему беспрепятственное совершение им богослужений в православных храмах Москвы разрешаю и благословляю» (Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917—1943. — М., 1994. — С. 295).

⁷³ В следственном деле указан месяц март, возможно, имелся ввиду староцерковный стиль (Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 19079-с. Л. 1).

⁷⁴ Антипасха (греч. ἀντι — вместо-, напротив- и Пасха), Фомина неделя, Фомино воскресенье — православный праздник, празднуемый в следующее воскресенье после Пасхи в честь удостоверения Господом Иисусом Христом своего воскресения перед апостолом Фомой.

⁷⁵ Центральный Архив КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 65 об.

Крестный путь

В Петрикове епископ Иоанн запомнился «...высоким, русоволосым человеком, с голубыми глазами, любящим Бога и людей, добрым, заботливым, певшим на клиросе, когда появлялась возможность. Прихожане, — как вспоминает местная жительница А.М. Андрюк, — тоже любили его. Однажды, когда он стоял на клиросе, житель Петрикова по фамилии Лапето выстрелил в епископа, но певчая Антонина Книга закрыла пастыря собой и была ранена»⁷⁶.

Часто владыка Иоанн выезжал на приходы вверенного ему викариатства. Встречаясь с православными верующими, он всегда указывал на то, что во взаимоотношениях с властями «нужен мир и послушание»⁷⁷.

Большое внимание уделял он религиозно-нравственному воспитанию подрастающего поколения. Председатель Петриковского Сельсовета отмечал в своих бумагах (стиль подлинника сохранен. — Г.Щ.): «вся молодежь Петрикова и некоторые учащиеся посещают церковь, местное же духовенство вместе с архиереем Пашиным занимается вербовкой молодежи под названием братств и сестричеств милосердия, где с таковыми ведутся занятия в сторожке и на дому. Для чего прельщают разного рода формами: для женщин форма сестры милосердия — белый газовый платок, фартук с синим крестом на груди. Архиереем устроены малые хоругви, исключительно для подростков, малых детей, которым выдают при каждом шествии, этим самым делают эффект религиозного дурмана и прельщения отсталой молодой массы, ранее покончившей с религиозными предрассудками, с мероприятиями архиерея намного усилились, т.е. до его приезда посещение церкви было самое малое...»⁷⁸.

⁷⁶ Архив священника Феодора Кривоноса.

⁷⁷ Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 19079-с.

⁷⁸ Там же. Д. 15898-с. Л. 40.

С посвящением Иоанна (Пашина) в сан епископа на него сразу же усилилось давление со стороны властей, причем это отразилось на его родных.

Старшая дочь владыки Надежда училась в это время в Белорусском государственном университете. Белорусский университет был открыт в 1921 году, и в самый год открытия она поступила туда на социально-историческое отделение педагогического факультета. Перед этим Надежда окончила полный курс в шестой Советской школе 2-й ступени.

Как дочь священника она вынуждена была платить за свое обучение в университете. Плата составляла 15 рублей в месяц, что было достаточно обременительно для семьи Пашиных. Уже менее чем через год после принятия отцом Иоанном архиерейского сана университетское начальство решило повысить плату за обучение его дочери. Не исключено, что это было сделано по подсказке ОГПУ.

Вот что писала в январе 1924 года Надежда Пашина в комиссию по обложению платой студентов университета: «Узнав о назначенной мне плате за право учения в размере 50 рублей золотом, прошу комиссию сократить ее, так как указанной суммы внести я не в состоянии.

Я живу вместе с братом, учеником железнодорожной школы, на средства, присылаемые мне отцом (1 червонец в месяц) и заработанные частным уроком (1/2 червонца). В прошлом учебном году мне было назначено 15 рублей, но даже и эта сумма для меня была очень обременительна. В этом году мое материальное положение не улучшилось. Я не знаю, какими данными руководилась комиссия, назначив мне 50 рублей. Может быть то обстоятельство, что мой отец является высшим служителем культа — епископом, послужило причиной этого. Во всяком случае, положение моего отца несколько не изменило моего материального положения и поэтому необходимость внести 50 рублей заставит меня уйти из университета»⁷⁹.

⁷⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 6244.

Согласно представленному в университет «Удостоверению» от Белорусского Церковного Управления, епископ Мозырско-Туровский Иоанн «в 1923 году за полугодие получал содержание из Епархиальных средств не свыше одного червонца в месяц»⁸⁰. А с началом 1924 года материальное положение владыки стало настолько критическим, что он уже вообще не имел возможности оказывать денежную помощь своей дочери.

Университетское начальство отозвалось на просьбу Надежды Пашиной о сокращении платы за обучение и в марте вместо 50 рублей назначило 25⁸¹. Однако в июне 1924 года постановлением Комиссии по проверке качественного состава студентов Надежда Пашина как дочь епископа была исключена из университета.

Более серьезные проблемы с властями у владыки Иоанна возникли весной 1925 года в связи с тем, что он часто посещал приходские храмы Мозырско-Туровского викариатства, совершая в них богослужения.

Особое негодование у безбожных властей вызвало то, что у себя дома, в Петрикове, владыка устроил нечто вроде церковно-приходской школы. В определенные дни к нему приходили дети из соседних деревень, и он разучивал с ними церковные песнопения, наставляя одновременно в истинах православной веры. В постановлении о привлечении владыки Иоанна к следствию писалось: «Пашин устроил у себя на квартире преподавание Закона Божьего малолетним детям... подрывал авторитет советской школы...»⁸². В этой связи ОГПУ характеризовало его деятельность так: «...Иван Пашин — черносотенец и конечно ярый тихоновец, но с головой. В отношении последнего ведется дело для представления к административной высылке»⁸³.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 97. Л. 50.

⁸² Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 15898-с. Л. 40.

⁸³ ЦА КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 113.

Владыку Иоанна допрашивали дважды. Во время допросов он держался мужественно, сохраняя должное спокойствие духа.

Основные обвинения владыке были предъявлены в том, что он занимался преподаванием как в школе, так и на дому малолетним детям Закона Божьего, вел, якобы, в районе Мозырского округа агитацию к подрыву авторитета советской власти и против советской школы. Между тем его пытались обвинить и в других «преступлениях». Владыке приписывали то, что в 1917—1918 годы он открыто агитировал против советской власти, а с приходом немцев «был очень доволен изгнанием большевиков» и якобы говорил, что «вот у нас при немцах все спокойно и хорошо, а там где советская власть, где правят большевики, там жить тяжело, там насилие и расстрелы». Также его обвиняли в «каторжной» постройке Прилепской церкви, во время которой он принуждал крестьян к работам «вплоть до применения полиции». Среди прочих обвинений было и такое, что «во время польской оккупации, несмотря на то, что польские власти притесняли вообще православное духовенство, Пашин жил с польскими властями хорошо в дружбе, последние посещали квартиру Пашина»⁸⁴.

Подобные обвинения писали на него еще ранее прилепские партийные активисты, что, впрочем, и не удивительно, так как именно подобные люди, как правило, стояли на местах в авангарде борьбы с Церковью. Не стеснясь средствами, они шли на преступления — клевету, лжесвидетельства и прочее, лишь бы исполнить директивы и предписания высшей партийной власти. Именно они подталкивали и направляли на местах полууголовные люмпенизированные элементы к гонениям против духовенства, на ограбление, закрытие и разрушение храмов, на осквернение и поругание святынь. И что удивительного, когда они называли черное белым, а белое черным?

⁸⁴ Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 19079-с. Л. 42.

На все эти обвинения владыка Иоанн в свое оправдание вынужден был давать на допросе разъяснения. По поводу сооружения храма в Прилепах он пояснял, что церковь была построена на средства — «часть от государства, а часть на местные средства посредством пожертвований». Натуральная повинность по доставке материалов, «которая считалась как пожертвование», также осуществлялась прихожанами. «Принуждений не было со стороны полиции на постройку никакого», все велось через волостное правление, волостным старшиной «отдавались распоряжения сельским старостам о доставке тех или иных материалов для церкви». О времени польской оккупации владыка Иоанн свидетельствовал, что с польской администрацией никаких контактов вообще не имел. Лишь несколько раз к нему в дом приходили молодые польские офицеры «гулять, поскольку у него имелась взрослая дочь, сам же он относился к этому отрицательно и ничего общего с ними не имел». Агитацию против советской власти со своей стороны он полностью отрицал, а свидетельствовал, что в проповедях своих касался лишь вопросов «чисто церковно-религиозного характера, призывающего верующих к вере и любви»⁸⁵. По поводу его якобы агитации против советской школы владыка рассказывал, что некоторые верующие обращались к нему с недоумением, как им отдавать в школу детей, когда там не преподают Закона Божьего. На это им владыка Иоанн отвечал, что «в школу детей нужно посылать, а если ты верующий, то советская власть предоставляет самим родителям учить ребенка на дому и никому не запрещает»⁸⁶. Да и мог ли владыка говорить иначе, когда его собственные дети окончили именно советскую школу.

На допросе владыка Иоанн в недоумении говорил следователю: «Крайне удивляюсь всему подозрению, высказываемому по моему адресу кем бы то ни было, что моя

⁸⁵ Там же. Л. 43.

⁸⁶ Там же. Л. 6.

деятельность контрреволюционная <...> это равносильно тому, что меня обвинить в воровстве. Я, как человек сильных и твердых убеждений религиозных, и как епископ, веду работу в пределах установленных советской властью законов»⁸⁷.

В конце концов по делу епископа Иоанна (Пашина) прокурором было дано следующее заключение: «Принимая во внимание, что, несмотря на отсутствие в деле достаточных улик для придания обвиняемому суду, пребывание Пашина Ивана Дмитриевича в пределах БССР, как погранполосе, является в настоящее время социально-опасным. А потому полагал бы, что гражданин И.Д. Пашин, епископ Мозырско-Туровского викариатства, должен быть подвергнут выселению через Особое Совещание при ОГПУ из пределов Западного Края...»⁸⁸. 26 марта 1926 года Особым Совещанием при ОГПУ согласно резолюции прокурора владыка Иоанн был лишен на трехлетний срок права проживания в крупных городах страны и выслан из Петрикова.

Благодаря воспоминаниям старожилов, до нас дошла трогательная картина прощания епископа Иоанна со своей паствой. «В Великий Четверг 1926 года владыка Иоанн в последний раз отслужил Божественную Литургию. Закончив службу и испросив прощения у прихожан, он сошел с амвона и, повинувшись представителям властей, вышел из собора. Люди шли вслед за епископом до пристани, а затем долго шли в холодной воде за баржей, на которой навсегда увозили из Петрикова епископа Иоанна Пашина»⁸⁹. Знаменательно, что принудительное изгнание будущего священномученика совпало со временем воспоминания Церковью начала крестного шествия Спасителя к голгофским страданиям.

⁸⁷ ЦА КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

⁸⁸ ЦА КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

⁸⁹ Архив священника Феодора Кривоноса.

Удаленный из Петрикова, владыка Иоанн тем не менее не желал терять связи со своим викариатством. Он остановился на жительство в городе Лоеве Гомельского округа и тут, как свидетельствуют документы следственного дела, «вновь развернул антисоветскую работу, выразившуюся в нелегальном управлении епархией и распространении контрреволюционных слухов»⁹⁰.

На сей раз власти решили отправить неумного епископа куда-нибудь подальше, и Особым СовеЩанием ОГПУ от 18 сентября 1926 года владыка Иоанн был приговорен к ссылке в Зырянский край...

О времени пребывания владыки Иоанна в зырянской ссылке почти ничего неизвестно. Сохранилось лишь несколько коротеньких писем, написанных владыкой своей сестре по матери Софье. Дело в том, что мать владыки Иоанна, Надежда Васильевна, в свое время вышла вторично замуж, и у нее во втором браке родилась дочь. В 1912 году Софья Яковлевна вышла замуж за выпускника Военно-медицинской академии Всеволода Васильевича Гаховича, служившего впоследствии земским врачом. У них был сын — племянник владыки Иоанна — Ростислав Всеволодович Гахович, военный врач. Владыка Иоанн практически до конца своих дней старался поддерживать переписку со своей сестрой Софьей, которую очень любил. К сожалению, переписка эта была утрачена. Сохранилось всего несколько писем и деревянный крест с распятием, который владыка Иоанн вырезал в лагере для своего племянника Ростислава, с надписью: «Спаси, сохрани р[аба] С[воего] Ростислава».

В 1927 или 1928 году владыка Иоанн писал своей сестре из зырянской ссылки: «Дорогая сестра! Получила ли мое письмо в июне? Я бы очень рад был получить от тебя хотя бы открытку. Подумай, что значит весточка от родного человека для меня на чужбине? На Н[адежду] и

⁹⁰ Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 15898-с. Л. 52.

В [асилия] не обижайся: они не могли посетить тебя вследствие крайне затруднительного своего положения. Конечно, чудачки возмутительные. Теперь в Крыму в санатории, а В [асилий] в ВУЗ опять не поступил, а с середины августа где-то в одном из центральных губ [ернских] городов будет служить по бухгалтерии. Я здоров, все благополучно, но грущу, чем дальше, тем больше. Все здесь чуждо: и люди, и природа, и обычаи. Пиши. Крепко тебя и твоих целую. Любящий Г [решный] Е [пископ] Иоанн». Вот такое трогательное письмо, красноречиво говорящее о настроении владыки, тоскующего по родному краю.

Еще одно письмо, написанное в апреле 1928 года: «Дорогая сестра, Всев [волод] Вас [ильевич] и Славик!

Поздравляю Вас с светлым праздником Воскресения Христова, шлю сердечные наилучшие пожелания. Я здоров. Несколько утешен благоприятными вестями из Крыма. Приятно было читать в твоём письме о дорогом для нас лице. Будет возможность, передай ему мой горячий привет и надежду увидеться и горячо поцеловать. У нас снежок, мороз, — признаки весны очень слабые! Крепко целую. Любящий Е [пископ] Иоанн».

На Севере владыка пробыл три года и в августе (сентябре) 1929 года был переведен на так называемое вольное поселение в город Рыльск Курской области, где за ним был установлен административный надзор. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) назначил епископа Иоанна викарием Курского архиепископа Дамиана (Воскресенского). По дороге в Рыльск владыка заехал к архиепископу Дамиану, чтобы поставить его в известность о своем назначении.

В это время советская власть вновь усилила гонения на Русскую Православную Церковь. В стране шло уничтожение традиционного крестьянского быта и организация колхозов. Крестьяне в большинстве своем не приняли эту реформу и нередко оказывали сопротивление, отстаивая привычную для себя форму жизни и хозяйствования.

Власти стали обвинять в агитации против колхозов представителей Церкви. На территории Курской и Орловской областей почти одновременно было арестовано более трехсот человек — епископов, священников и православных мирян, в числе которых были архиепископ Дамиан (Воскресенский) и епископ Иоанн (Пашин)⁹¹.

Владыка Иоанн был арестован 28 августа 1932 года и помещен в тюрьму ОГПУ в городе Курске. 26 сентября следователь допросил его.

Столкнувшись с нравственной твердостью епископа, следователь заявил, что против него свидетельствуют подчиненные ему священники, и в частности арестованный Константин Одинцов. В ответ владыка на допросе, проходившем 2 октября, дал собственноручные показания, в которых писал: «Священника города Рыльска Константина Одинцова знаю в течение трех лет. Одинцова я считаю порядочным человеком, взаимоотношения у меня с Одинцовым были служебные, наши политические убеждения — в смысле полного подчинения гражданской власти — совпадали, оба мы стояли на платформе митрополита Сергия, возглавляющего Церковь, к которой принадлежим. Я и Одинцов признавали советскую власть единственной законной властью в СССР, политика которой отвечала нашим настроениям. Никаких недоразумений между мною и Одинцовым не было, злобы не питали друг к другу. Одинцова не считаю способным сделать на меня какой-либо ложный донос или оклеветать меня»⁹².

В ноябре 1932 года следствие было закончено. Владыку Иоанна обвинили в том, что он «являлся руководителем контрреволюционных групп церковно-монархической организации “Ревнители Церкви” в Рыльске и его районе. На протяжении 1930—1932 годов в городе и в деревнях

⁹¹ Жития новомучеников и исповедников Российских XX века (февраль) / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). — Тверь: Изд. «Булат», 2005. — С. 441.

⁹² Там же. — С. 441—442.

насаждал контрреволюционные группы, направляя их контрреволюционную деятельность против коллективизации сельского хозяйства...»⁹³.

В обвинительном заключении по этому делу следователи ОГПУ написали: «В октябре 1931 года в городе Обояни, Обоянском районе и городе Курске раскрыта и ликвидирована контрреволюционная церковно-монархическая организация, ставившая своей главной задачей объединение вокруг себя всех антисоветских элементов города и деревни, путем поднятия массового выступления крестьянства против советской власти и восстановление монархического строя.

Контрреволюционная организация... возникла в ноябре 1930 года и была неразрывно связана с архиепископом Курским Дамианом...

Ко дню ликвидации организация в своем составе насчитывала 47 человек. По социальному положению они делятся так: священников 26, монашествующего элемента 3, бывших офицеров 2, бывших торговцев 2, бывших дворян 2, служащих 1 человек, кулаков 1, середняков 8 человек и бедняков 2. При этом последняя категория, то есть середняки и бедняки, в большинстве стали членами организации исключительно на почве религиозных убеждений...»⁹⁴.

«В июне и в июле 1932 года по западной части Центрально-Черноземной области прокатилась волна контрреволюционных массовых выступлений и отдельных восстаний. Эти выступления, начавшиеся в период окончания весеннего сева, изо дня в день все более возрастали, и только в конце июля началась нормальная уборка созревших хлебов...

⁹³ Цит. по: Дамаскин (Орловский), игумен. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Рыльский, викарий Курской епархии; 1881–1938 // Преображение. — 2005. — №4. — С. 2.

⁹⁴ Цит. по: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века (февраль) / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). — Тверь: Изд. «Булат», 2005. — С. 442.

По 57 районам, охваченным антиколхозным движением, было 580 массовых выступлений с участием в них до 63 000 человек. Из числа колхозников этих районов было охвачено движением около 3200 колхозов на территории свыше 450 сельсоветов. Массовые выступления сопровождались также разгромом помещений сельских советов и правлений колхозов...

Вскрытые Полномочным Представительством ОГПУ по Центральной Черноземной области ранее (1931 г.) контрреволюционные церковно-монархические образования в районах, охваченных в июне—июле 1932 года массовым антиколхозным движением, неизменно определяли со стороны этих образований, формировавшихся из церковных элементов так называемого Сергиевского течения, наличие активных проявлений, направленных против социалистического переустройства деревни...

Контрреволюционные массовые выступления в западной части области в июне—июле 1932 года как по организованности, так и по масштабу, несомненно, как это установлено следствием, явились результатом подготовительной деятельности контрреволюционной церковно-монархической организации “Ревнителі Церкви”, возглавляемой указанным епископом Дамианом...

В отдельных местах имели место избиения сельских активистов, попытки к убийству и даже случаи убийства, как и попытки толпами свыше 500 человек, вооруженными косами, тупками и вилами, отбить арестованных...

В отдельных селах массовые выступления происходили под лозунгами:

“Отдайте землю и волю и крестьянскую власть”.

“Советская власть нас ограбила, нам нужна власть без колхозов”.

“Долой колхозы, долой советскую власть бандитов, давайте царя”.

Выступления с участием свыше 4500 человек имели место в этот период в селах Потапахино, Кулаге, Троицком,

Нагольном и других этого района и Чермашнянского сельсовета, смежного Солнцевского района, где, под указанными выше лозунгами, организованными толпами было расхищено колхозное имущество, изгнан сельский актив и в ряде случаев учинены над ним расправы.

Следствием по настоящему делу установлена связь контрреволюционной церковно-монархической организации “Ревнители Церкви” с антиколхозным движением...

По делу контрреволюционной церковно-монархической организации “Ревнители Церкви” проходит 413 человек, из них 3 епископа, 127 попов и дьяконов, 106 монахов и монашек, 70 кулаков, 11 бывших дворян, помещиков, полицейских и других. В числе проходящих по настоящему делу осуждено за контрреволюционную деятельность 136 человек и выделено в особое производство 149 человек.

Контрреволюционная церковно-монархическая организация “Ревнители Церкви” строилась применительно к церковно-иерархической структуре и формировалась из реакционного духовенства, монашествующего элемента, бывших людей и кулачества...»⁹⁵.

«Рыльское объединение контрреволюционной организации “Ревнители Церкви” возглавлялось административно-высланным епископом Иоанном Пашиным (город Рыльск) и имело в своем составе 6 групп с 30 участниками...»⁹⁶.

«Группы “Ревнителей Церкви”, возникавшие под непосредственным руководством духовенства так называемого Сергиевского направления, возглавлявшегося Курским архиепископом Дамианом, в начальный период своего развития складывались как образования религиозного характера, лозунгом которых была борьба с безбожием и сплочение вокруг Церкви верующих...

По мере развития борьбы в деревне за сплошную коллективизацию и ликвидацию на этой основе кулачества как

⁹⁵ Там же. — С. 442—444.

⁹⁶ Там же. — С. 444.

класса под влиянием агитации сложившихся групп “Ревнителей Церкви” и примыкавших к ним отдельных лиц, главным образом монашествующего элемента, ряды этих групп расширялись за счет затронутых процессом социалистического строительства кулацко-контрреволюционных элементов...

Контрреволюционное духовенство и монашество, скрывавшееся под флагом декларации о признании советской власти митрополитом Сергием, использовало концентрацию вокруг Церкви контрреволюционного кулачества и повело организационную работу по сплочению его для борьбы с пролетарским государством...»⁹⁷.

Во время следствия владыка Иоанн никого не оговорил и виновным себя не признал. На одном из допросов он свидетельствовал о себе: «В 1929 году, как административно высланный, я по указанию митрополита Сергия избрал местом жительства город Рыльск. Проездом туда заезжал к архиепископу Курскому Дамиану, у которого пробыл одни сутки. Дамиан разрешил мне совершать в ссылке богослужения. В бытность мою в Рыльске я с архиепископом Дамианом поддерживал письменные связи официального и частного характера... По поручению Дамиана я рукополагал некоторых лиц во священники...»⁹⁸.

Тем не менее постановлением Особого Совещания ОГПУ от 7 декабря 1932 года владыку Иоанна приговорили к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

Несколько лет владыка Иоанн провел в лагерях вместе с осужденным по тому же делу епископом Николаем (Могилевским), приговоренным к пяти годам. Владыка Николай хорошо был знаком с замечательной подвижницей того времени — Татьяной Николаевной Гримблит⁹⁹, которую

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Архив УФСБ по Курской области. Д. П-11015. Т. 6. Л. 340.

⁹⁹ Татьяна Николаевна Гримблит (14.12.1903, г. Томск — 23.09.1937, Бутово) — мученица. В 20–30 гг. XX ст. самоотверженно помогала находившемуся в заключении и ссылке православному духовенству, оказывая

многие епископы называли современным Филаретом Милостивым за ее щедрость в помощи ссыльному и томившемуся в тюрьмах духовенству. Епископ Николай, получив как-то от нее открытку, из которой стало известно, что Татьяна Николаевна освободилась, сообщил ее адрес епископу Иоанну, и между ними завязалась переписка, которая продолжалась почти до мученической кончины обоих.

Вот одно из писем, написанное владыкой Иоанном, со словами благодарности и духовного назидания своей доброй благотворительнице. «Родная, дорогая Татьяна Николаевна! Письмо Ваше получил и не знаю, как Вас благодарить за него. Оно дышит такой теплотой, любовью и бодростью, что день, когда я получил его, — был для меня один из счастливых, и я прочитал его раза три подряд, а затем еще друзьям прочитывал: владыке Николаю и отцу Сергию — своему духовнику. Да! Доброе у Вас сердце, счастливы Вы, и за это благодарите Господа: это не от нас — Божий дар. Вы — по милости Божией — поняли, что высшее счастье здесь — на земле — это любить людей и помогать им. И вы — слабенькая, бедненькая — с Божьей помощью, как солнышко, своей добротой согреваете обездоленных и помогаете, как можете. Вспоминаются слова Божии, сказанные устами святого апостола Павла: «Сила Моя в немощи совершается». Дай Господи Вам силы и здоровья много-много лет идти этим путем и в смирении о имени Господнем творить добро. Трогательна и ваша повесть о болезни (имеется в виду арест. — Г.Щ.) и дальнейших похождениях. Как премудро и милосердно устроил Господь, что Вы, перенеся тяжелую болезнь (заключение. — Г.Щ.), изучили медицину и теперь, работая на поприще лечения больных, страждущих, одновременно и маленькие средства будете зарабатывать, необходимые для жизни своей и помощи другим, и этой своей святой работой сколько слез утрете, сколько страданий

посильную материальную помощь. За свою деятельность неоднократно подвергалась арестам. Расстреляна. Память 10/23 сентября.

облегчите... Работаете в лаборатории, в аптеке? Прекрасно. Вспоминайте святого великомученика Пантелеимона Целителя и его коробочку с лекарствами в руках (как на образах изображают) и о имени Господнем работайте, трудитесь во славу Божию. Всякое лекарство, рассыпаемое по порошкам, разливаемое по склянкам, да будет ограждено знамением Святого Креста. Слава Господу Богу!

На этот путь вступили многие из нашей братии — и близкие мне, например епископ Венедикт (Алентов. — Г.Щ.), бывший Вяземский, — соловчанин, участвовавший в моей хиротонии, не знаете ли, где он? Иеромонах Агапит (Фесюк), живший и у меня года три, перенесший не однажды тюремное заключение, затем ссылки, лагерь и так далее, а в прошлом году заведовал медпунктом около Красного Холма Калининской области, а теперь замолчал, видно, опять начал путь уз. Жаль, что и я пропустил время и не занялся этим делом. А теперь уж стар, пятьдесят пять лет, и больно измочалился. И мне уже в марте исполняется десять лет разного рода уз, а в лагерях уже три с половиной года. В Рыльске я отсидел срок и со дня на день ожидал получить вольную, а вместо этого экстренно взяли в Курск, далее в Воронеж, где отсидел месяца два в изоляторе — в одиночке, и месяца четыре в домзаке. В последнем условия были ужаснейшие, от тесноты и ног некуда было протянуть, и месяца два с половиной голодал, пока не прибыла Мария Ивановна — тогда наладилась передача. За дня три до Святой Пасхи прибыли в Темниковский лагерь. И сразу на работу — убирать и жечь сучья в лесу. Но поработал я только недели две, а затем заболел сыпняком. Отвезли в центральный госпиталь. Думал, не выживу: ведь сердце слабое, но Господь сохранил еще на покаяние. Месяца полтора лежал, а затем последовательно побывал на трех лагерных пунктах в течение года, и хотя сразу был зачислен в инвалиды, но по воле и неволе работал всякого рода работку (до 30 видов), но больше на заготовке дров. Месяца два эту работу мы исполняли маленькой бригадой: три епископа

и протоиерей. Епископы: знакомый Вам владыка Николай Орловский, Кирилл Пензенский и я грешный. Интересно было глядеть на нас: как мы по пояс в снегу искали валежник, пилили его, рубили, а то спиливали сухие деревья и с пня — значит, было дело вроде лесоповала.

В мае 1934 года очутились в Сарове, где и побыли год. Счастье было каждый день быть на могилке преподобного Серафима, наслаждаться видом святых храмов и священных изображений на них. ... Работали месяца три в канцелярии, а затем в августе, по дикой клевете обвиненные в присвоении чужих вещей (один человек добрый посещал нас и внезапно умер, оставив у нас вещи), мы четверо (я, владыка Николай, протоиерей один и иеромонах — жившие в одной комнате) попали в изолятор на полгода. Опять начались физические работы, и часто очень тяжелые, например, месяца два катали так называемые баланы, то есть бревна, опять пилили дрова, собирали и жгли сучья. Господь укреплял. Не ласковы там были к нам, даже зачетов лишали “за исполнение религиозных обрядов”.

В мае 1935 года перегнали нас пешком верст за 12 на Протяжную — это тоже пункт Сарлага. Здесь работали с месяц на лесном складе по уборке и в лесу, а затем заболели все мы малярией, да такой жестокой, — уж больно сердце мое страдало, прямо думал, смертушка приходит. Хинина не было, лечили уколами. Больше месяца болел, пока не отправили в Алатырскую колонию, — конечно, тот же самый лагерь. Неделю были в пути, хотя это переезд был в пределах одного Горьковского края. Что нам, не оправившимся от малярии, стоил этот переезд, можете представить. Эта колония расположена в верстах тридцати от города Алатыря. (А Алатырь верст двести не доезжая до Казани.) Из Алатыря к нам (все время лесом) идет ветка, но поезд ходит очень редко, так что приезжающие на свидание верст двадцать большей частью идут пешком. Здесь уж мы не работаем: нет подходящей работы, да и приустили, признаться, и здоровьем слабеньки стали. Здесь

место разгрузки, отпуска домой, но мимо нас проходят сотни, чуть не тысячи людей, а нас забывают, обходят. Божия воля, покоряемся ей. Если иметь помощь со стороны, то жить кое-как можно. С этой помощью у меня часто бывает заминка. Родные как-то забывают меня (Божие мне это испытание!), а родные по духу не всегда имеют чем помочь мне. Больше всех мне оказывает помощь Мария Ивановна, которая, при некоторой неуравновешенности своего характера, оказалась, однако, более других способной к самопожертвованию. Не ограничиваясь посылочками, она приезжала ко мне еще в Темниках на свидание, а теперь по моей просьбе переехала в Алатырь, помогает мне передачками и ожидает или моего освобождения, или перехода в вечность, как я ее просил: буду умирать — хоть глаза мне закроешь. А о смерти думаю все больше и больше. Молитва святителя Иоасафа Белгородского на каждый час стала моей любимой молитвой: “О, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, в час смерти моя прими дух раба Твоего в странствии суща — молитвами Пречистых Твоя Матери и всех святых Твоих. Аминь”.

Вот Вам краткая повесть о последних годах моего странствования. Простите. Пока, дорогая, обо мне не беспокойтесь, необходимое у меня есть, а будет нужно, попрошу, разве что-нибудь из одежды или белья. А письмо мне бодренькое опять напишите. Велика у Вас вера, велика и любовь, они согревают сердца людей — знакомых и единомысленных Вам. Дай Бог в радости и здравии встретить Вам великие праздники: Вход Господень во Иерусалим и Благовещение, сострадать Христу Спасителю на Страстной. Господь да хранит Вас.

С любовью и молитвой недостойный епископ Иоанн
16/29 марта 1936 года»¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Цит. по: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века (февраль) / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). — Тверь: Изд. «Буларт», 2005. — С. 445–448.

А вот текст другого письма: «Воистину воскресе! Дорогая, родная Татьяна! Пишу Вам это письмо почти с пути. Собрался в дорогу и переезжаю, но, кажется, в пределах того же Горьковского края. Это уже 10-й переезд за три с половиной года лагерной жизни. Сажу на узлах и чемодане в ожидании поезда и вдруг получаю Ваше письмо. Как луч солнца оно осветило несколько мрачное состояние души, ободрило, пристыдило в малодушии. Спаси, Господи, и возрадуй Вас и временную здесь, и вечную там радостью. Ваше письмо прочитал друзьям, слушали многие — и всем стало радостнее. Владыка Николай пока остается здесь, а я с отцом Сергием и еще многими отцами отправляемся, кажется, в один из Ветлужских лагерей. Верим в лучшее, твори, Господи, волю Твою. Мария Ивановна пока остается в Алатыре. По прибытии постараюсь написать Вам.

Храни Господь Вас. С любовью и молитвой епископ Иоанн. 3/16 апреля»¹⁰¹.

В Ветлужских лагерях владыка Иоанн пробыл почти год. Затем его отправили в Ухтпечлаг в город Чибью Коми области, куда он прибыл 9 мая 1937 года. За время заключения и особенно этапов, когда в течение продолжительного времени он не получал ниоткуда ни посылок, ни писем, его одежда пришла в совершенную ветхость, а ботинки рассыпались, так что на новом месте в лагере он уже ходил в лаптях.

23 июня 1937 года владыка писал Татьяне Гримблит: «Родная Татьяна Николаевна! Если Вам не сообщили, где я, то узнайте из моего этого письма. Адрес мой на обороте. Жив и здоров. Живу здесь почти два месяца. Никто мне не пишет. Работаю на цветниках. Ничего — посильно. Очень нуждаюсь в ботинках и брюках. Пришлите Бога ради. Прибавьте и теплую рубашу и шапку 62 размера. Здесь холодно. А если сможете, то прибавьте сахарку, чаю, сгущенного молока и чего сможете, а также мыла. Получив

¹⁰¹ Там же. — С. 448.

ответ, напишу больше, а пока всего-всего доброго. Епископ Иоанн Пашин»¹⁰².

В начале лета 1937 года владыка Иоанн был назначен на работы по озеленению парка культуры и отдыха в Чибью. В это время сторожем в парке работал священник, с которым владыка познакомился в Ветлаге. Владыка Иоанн иногда заходил к нему в гости в землянку, в которой тот жил недалеко от парка. И хотя в землянке священник жил не один, все же у него был свой отгороженный уголок, в котором можно было помолиться, зная, что за тобой не наблюдают недобрые глаза лагерного начальства из заключенных или вольных. Один раз владыке удалось даже помолиться в землянке.

Через некоторое время владыка Иоанн был направлен работать сторожем аптекобазы в сангородок.

31 октября 1937 года техник парка культуры и отдыха в городе Чибью и комендант стадиона и парка, оба заключенные, обнаружили три креста, прибитые к стволам деревьев, о чем тут же сообщили оперуполномоченному Ухтпечлага НКВД. Другие кресты оказались прибиты к зданию, выходящему на стадион, и к одной из трибун. Лагерная администрация придала этому событию значимость преступления против государства. Подозрение пало на заключенного священника, который работал в парке сторожем, а затем был уволен за то, что не вышел на работу в праздник Покрова Божией Матери. 31 октября у священника был произведен обыск, изъяты икона, три крестика и несколько церковных книг. На следующий день священник был арестован и допрошен. На вопрос следователя, откуда тот знает епископа Иоанна, священник ответил, что познакомился с ним год назад в другом лагере, где они оказались вместе. Следователь спросил священника, признает ли он себя виновным в контрреволюционной пропаганде, то есть в том, что он повесил в парке кресты. Но тот ответил, что виновным себя

¹⁰² Там же. — С. 449.

не признает, крестов не вешал, да и к тому же кресты, которые ему показали, являются католическими.

Допрошенные техник и комендант показали, что, когда священник жил в землянке при парке, его посещал епископ Иоанн (Пашин), и они полагают, что он вместе со священником развесил кресты. Этих показаний оказалось достаточно, чтобы арестовать владыку, предъявив ему обвинение в проведении контрреволюционной пропаганды с использованием «религиозных предрассудков и в практической религиозной деятельности, выразившейся в распространении крестов путем развешивания их на деревьях парка культуры и отдыха Ухтпечлага НКВД»¹⁰³.

2 декабря 1937 года в бараке у владыки был произведен обыск и изъято пять церковных книг и тетрадь. В тот же день он был арестован и допрошен.

— Признаете ли вы себя виновным в контрреволюционной пропаганде и практической религиозной деятельности, заключающейся в распространении крестов путем развешивания их на деревьях парка культуры и отдыха Ухтпечлага НКВД? — спросил следователь.

— Виновным себя я не признаю. Крестов в парке отдыха на деревьях я не вешал, — ответил владыка.

— Откуда вы взяли отобранные у вас молитвенники и записи, и для какой цели вы их хранили?

— Молитвенники и записи я получил в посылках, когда был в Ветлаге, после я перевез их в Ухтпечлаг. Молитвенники я держал для личного пользования.

— Что вы можете дополнить в свое оправдание?

— Дополняю, что перед праздником 20-летия Октябрьской революции я в Чибью не работал и находился в сангродке, где был с 27 сентября сего года.

На этом допросы были закончены. Еще были допрошены комендант и техник, которые ничем не могли

¹⁰³ Дамаскин (Орловский), игумен. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Рыльский, викарий Курской епархии; 1881—1938 // Преображение. — 2005. — №4. — С. 2.

доказать, что кресты в парке повесили владыка и священник. После этого были допрошены все, кто жил в одной землянке со священником и кто видел владыку приходящим в парк, но никто не мог показать не только в пользу обвинения, но и то, что епископ и священник молились в лагерной землянке.

6 декабря 1937 года главная аттестационная комиссия Ухтпечлага НКВД выдала справку на епископа Иоанн, в которой говорилось: «К порученной работе относится удовлетворительно. Распорядка лагеря не нарушает. 10 апреля 1935 года лишен всех ранее произведенных зачетов рабочих дней за плохой труд».

5 января 1938 года тройкой НКВД епископ Иоанн (Пашин) был приговорен по статье 58—10 УК РСФСР к смертной казни и 11 марта того же года расстрелян в городе Чибью Коми области и погребен в неизвестной могиле¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Там же.

Свято-Вознесенская церковь в Петрикове (фото автора, 2006 г.)

Свято-Николаевская церковь в Петрикове (фото автора, 2006 г.)

Часовня, оставшаяся от взорванного собора в Петрикове

Пресс-папье. Из личных вещей епископа Иоанна (Пашина)

Панагия. Из личных вещей епископа Иоанна (Пашина)

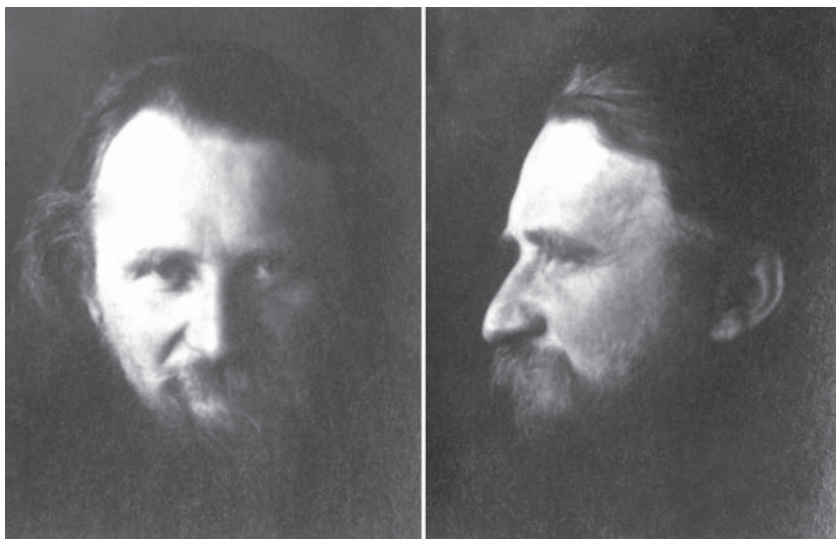

Туюсок, сделанный епископом Иоанном (Пашиным) в ссылке
для своих родных

Епископ Иоанн (Пашин) в ссылке

Епископ Иоанн (Пашин)

Нательный крест, вырезанный епископом Иоанном в местах заключения для своего племянника Ростислава Гаховича.

На кресте надпись: «Спаси сохрани р[аба] С[воего] Ростислава»

В память вековую будет праведник...

19 июня 1989 года епископ Иоанн (Пашин) был реабилитирован¹⁰⁵.

На родной земле первые сведения о нем начал собирать еще в начале 1990-х годов клирик Минской епархии священник Феодор Кривонос, занимавшийся судьбами репрессированного духовенства Белоруссии.

Вместе с тем от Курской епархии были представлены в Священный Синод материалы о канонизации ряда духовных лиц, представителей епархии, пострадавших в годы гонений за Веру. Среди них был и владыка Иоанн. На основании представленных материалов епископ Иоанн (Пашин) на Юбилейном соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года был прославлен в лике новомучеников и исповедников в земле Российской просиявших в XX столетии¹⁰⁶.

Память священномученика Иоанна совершается 26 февраля/11 марта, а также 19 июля/1 августа в Соборе святых в земле Курской просиявших.

Празднование Собора Курских святых было установлено в 2003 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в память празднования 100-летия канонизации преподобного Серафима Саровского, уроженца города Курска. Собор святых Курской земли составили святые — подвижники духа и веры, родившиеся или просиявшие в своем служении Богу и людям

¹⁰⁵ За веру Христову: Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918—1951). Биографический справочник / Сост. С.В. Суворова. — Архангельск: Православный издательский центр, 2006. — С. 203.

¹⁰⁶ Юбилейный Архиерейский собор Русской Православной Церкви. Сборник докладов и документов. — СПб., 2000. — С. 68.

в Курской епархии и среди них такие, как преподобные Феодосий Печерский, Серафим Саровский, Исаакий и Макарий Оптинские, Илия Верхотурский, Иоанн затворник Святогорский (Донецкий), святитель Иоасаф Белгородский, священномученики архиепископы Курские Онуфрий (Гагалюк) и Дамиан (Воскресенский), священномученики Павлин (Крошечкин), Иоасаф (Жевахов), Антоний (Панкеев), Иоанн (Пашин), священноисповедник Лука (Войно-Ясенецкий) и другие подвижники и новомученики Курского края. Празднование Собора Курских святых установлено совершать 1 августа (нов. ст.) в день памяти обретения мощей преподобного Серафима Саровского и всея России чудотворца.

Не забыли священномученика Иоанна и на его родине. 10 марта 2004 года в городе Петрикове, в главном храме города Преосвященным Петром, епископом Мозырским и Туровским, было торжественно установлено особое почитание в епархии и местном храме памяти священномученика Иоанна (Пашина), епископа Рыльского.

В том же 2004 году в Минске вышла книга о епископе Иоанне¹⁰⁷, представляющая собой первое монографическое описание его жизни и пастырских трудов. В 2006 году на основании этой книги решением Синода Белорусской Православной Церкви священномученик Иоанн (Пашин) был включен в собор Белорусских святых, заняв достойное место среди подвижников христианской веры родной земли.

¹⁰⁷ Кривонос Ф., *священник*; Щеглов Г.Э. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Мозырско-Туровский (1923–1926) и Рыльский (1929–1932). — Минск: Православное Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске, 2004. — 39 с.

Судьбы родных

Несколько слов хочется сказать о судьбе родных епископа Иоанна (Пашина).

Его дочь Надежда так и не смогла получить высшего образования. В 1935 году она вышла замуж за Давида Борисовича Дудикова и переехала жить в Москву, где в 1936 году у них родилась дочь Эльвира.

В январе 1938 года Давид Борисович был арестован в числе 457 человек ответственных советских работников, обвиненных в принадлежности к «контрреволюционной, право-троцкистской, заговорщической и шпионской организациям». В стране в это время шли страшные ежовские чистки. По делу, по которому проходил Давид Борисович, в отношении 346 человек был вынесен смертный приговор, остальных 111 обвиняемых приговорили к заключению в лагерь на срок не менее 15 лет каждого. В числе последних был и Д.Б. Дудиков. В январе 1940 года приговор был утвержден лично Сталиным¹⁰⁸.

Так Надежда Ивановна стала дочерью и женой репрессированных «врагов народа», что оказало заметное влияние на ее жизнь и жизнь ее дочери. Однако среди жизненных невзгод время от времени происходили случаи, которые бесспорно свидетельствуют о небесном покровительстве им священномученика Иоанна. Вот два особенно ярких случая, произошедших с Надеждой Ивановной и ее дочерью в годы Второй мировой войны.

Война застала Надежду Ивановну с дочерью Эльвирой и ее няней Екатериной на даче, которую она снимала на станции Ильинское (Казанская ж.д.). Брат Надежды Ивановны Василий решил эвакуировать свою сестру в Актюбинск, где он в это время жил и работал. Судя по всему, он имел бронь. Чтобы Надежде Ивановне было легче добраться, он

¹⁰⁸ <http://stalin.memo.ru/spiski/pg12135.htm>

прислал своего сотрудника, военного, который забрал все их вещи. Сестра же с дочерью должны были добираться сами, но не успели — немцы «отрезали» Москву.

В июле в Москве начались бомбежки. Надежда Ивановна продолжала жить на даче, так как считала это более безопасным, но ей приходилось ежедневно ездить в столицу. И вот как-то произошел очень необычный случай. Маленькая дочь Надежды Ивановны Эльвира, всегда очень спокойно воспринимавшая отъезды своей мамы, в один из дней вдруг сильно заупрямилась и не захотела отпускать ее: стала отчаянно плакать, ухватившись за ее юбку. Ни няня, ни сама Надежда Ивановна не могли уговорить девочку и успокоить ее. Она плакала так сильно, что Надежда Ивановна решила не ехать, тем более, что на нужную электричку она уже опоздала. Каково же было изумление всех, когда вечером пришло известие, что в электричку, на которую Надежда Ивановна не успела, попала бомба.

Другой случай произошел, когда семья уже оставила дачу и жила в Москве. Во время случавшихся бомбежек Надежда Ивановна с дочерью укрывались на станции метро «Маяковская», которая использовалась как бомбоубежище. Несмотря на то что Надежда Ивановна жила всего в двух кварталах от «Маяковской», ей было не очень легко до нее добираться, так как приходилось бежать с ребенком на руках. Маленькая дочь очень пугалась звука сирен, отказывалась идти самостоятельно, плакала и просилась на руки. Нести же ее было очень тяжело, так как Эльвира была уже почти пятилетним ребенком, и к тому же достаточно крупной. Однажды, попав в давку при входе в метро, Надежда Ивановна с дочерью на руках вдруг почувствовала себя крайне плохо (у нее было больное сердце) и поняла, что вот-вот уронит дочь, которую толпа просто затопчет. Увидев недалеко от себя военного, Надежда Ивановна крикнула ему: «Возьмите ребенка, мне плохо, я сейчас его уроню». Несмотря на стремительный людской поток и давку, военный каким-то чудом сумел быстро пробраться

к ним через толпу, подхватил на руки Эльвиру и внес в метро. Саму Надежду Ивановну в полуобморочном состоянии в метро внесла толпа. После этого случая она больше не ходила прятаться во время бомбежек в метро, а укрывалась в бомбоубежище (подвале) соседнего дома.

В 1943 году в Актюбинске от туберкулеза горла умер брат Надежды Ивановны Василий. После ареста ее мужа Василий много помогал сестре. Своей семьи у него не было. Надежда очень любила брата, и его ранняя смерть была для нее тяжелым ударом.

После смерти Василия Надежде Ивановне с дочерью очень много помогали в жизни тетя Софья Яковлевна Гахович (до замужества Вераксич) и ее сын Ростислав. Их семью также не обошла стороной трагедия, которую многие разделили в то страшное и непростое время. В 1937 год был арестован по какому-то вымышленному обвинению муж Софьи Яковлевны Всеволод Васильевич Гахович, работавший участковым врачом местечка Тимковичи Копыльского района Минской области. По приговору суда он был отправлен в ссылку, где и погиб. Впоследствии его реабилитировали. Их сын Ростислав Всеволодович Гахович всю войну прошел военным врачом, а затем для продолжения службы был направлен в город Петрозаводск, где и прожил со своей матерью и семьей всю оставшуюся жизнь.

Софья Яковлевна умерла в 1990 году, прожив 101 год. Ростислав Всеволодович умер в 1998 году. Оба похоронены в Петрозаводске.

По-своему сложилась судьба Давида Борисовича Дудикова. Уже после смерти Сталина, в 1956 году, он был реабилитирован, но к Надежде Ивановне не вернулся. В заключении у него появилась новая семья, родилась дочь и с ними он переехал в Киев. Тем не менее с дочерью Эльвирой, а в последствии и с ее семьей, он поддерживал самые добрые отношения. Умер Давид Борисович в 1981 году и похоронен в Киеве.

Оставшись в свое время одна, Надежда Ивановна все свои силы и всю свою любовь без остатка отдавала своей дочери Эльвире. Она сделала все, что бы дочь получила высшее образование и заняла прочное место в жизни. И действительно, Эльвира окончила Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, защитила кандидатскую диссертацию и успешно работала как специалист в области полимерной химии.

В 1966 году Надежда Ивановна умерла и была похоронена в Москве.

Эльвира Давидовна Арсеньева (Дудикова) живет сейчас с семьей своего сына в США, в штате Миннесота. Именно она передала фотоматериалы и некоторые документы, касающиеся жизни ее дедушки — священномученика Иоанна (Пашина), включенные в настоящую книгу. Также именно с ее слов известны подробности судеб ближайших родственников владыки Иоанна.

В 2006 году Эльвира Давидовна приезжала в Белоруссию на родину своего дедушки, где посетила места его служения. Во время приезда выяснилось, что ее мама Надежда Ивановна была погребена без церковного отпевания. И вот ровно через 40 лет Надежда Ивановна была отпета на своей родине в Минском кафедральном Свято-Духовом соборе. И удивительно, что отпевание совершил священник Феодор Кривонос, человек, который первым в Белоруссии стал собирать сведения о ее отце — священномученике Иоанне.

Икона священномученика Иоанна (Пашина), хранящаяся в Свято-Николаевской церкви в Петрикове

Фрагмент росписи Свято-Николаевской церкви
с изображением священномученика Иоанна (Пашина)

Семейное фото: Василий Пашин, Надежда Пашина
со своим мужем Давидом Дудиковым

Надежда Дудикова (Пашина) с дочерью Эльвирой

Всеволод Васильевич Гахович – муж сестры Иоанна Пашина Софии

Остатки фундамента и пола храма, построенного священником Иоанном Пашиным в с. Прилепы(фото автора, 2006 г.)

Фрагмент солии храма

Вид с холма, где стоял храм, на окрестности с. Прилепы

Остатки фундамента дома священника, где жила семья Пашиных, в с. Прилепы

Внучка священномученика Иоанна (Пашина)
Эльвира Давидовна Арсеньева (Дудикова) у памятной стеллы в Скрыгалове

Вместо послесловия

Случай, о котором пойдет речь ниже, рассказала прихожанка Минского прихода в честь Святой Благоверной Софии Слуцкой. Несколько лет назад она была с детьми в организованном приходом православном летнем лагере. Место, где они жили, находилось недалеко от деревни Прилепы Минского района. Как-то раз, исследуя с детьми окрестности, они нашли фундамент разрушенной каменной Прилепской Свято-Георгиевской церкви. Развалины храма поросли бурьяном и кустарником, а на бетонном полу бывшей церкви были следы кострищ с горами обугленных автомобильных покрышек и проволоки, вокруг валялись битые бутылки, мусор. Как выяснилось, холм, на котором когда-то стояла церковь, в советское время использовался молодежью для купальских кострищ. Мало того, что безбожными властями церковь была разрушена, но еще само место, где она стояла, регулярно осквернялось пьяными играми.

Женщина рассказывала, что было очень больно видеть «мерзость запустения» на месте, где некогда совершалась божественная служба. Тогда она вместе с детьми решила очистить остатки Божьего храма от мусора и кострищ. Они еще не знали ни как называлась церковь, ни кем она была построена. Об этом узнали позже.

Так вот, женщина с детьми стали каждый день приходить на это место, чтобы убирать многолетние наслоения мусора. Конечно, силы были невелики, так как детей было немного, да и то почти все девочки. Сначала казалось, что работе не будет ни конца, ни края, но день за днем мусора, грязи и гари становилось все меньше и меньше. Как-то в один из дней, когда дети трудились на уборке храма, одна из девочек вдруг закричала, показывая рукой в небо: «Смотрите, смотрите!» Женщина рассказывала, что, занимаясь работой, была погружена в свои мысли и не

обратила внимания на голоса детей. Девочка снова закричала: «Смотрите!» Когда женщина, наконец, оторвалась от своего занятия и посмотрела на детей, все они стояли, подняв головы к небу. Она невольно тоже посмотрела вверх, туда, куда были устремлены детские взоры, но ничего не увидела, кроме белых облаков, мирно плывущих по небу. На вопрос к детям, на что они там смотрели, те сказали, что видели в небе «батюшку» в золотых одеждах с крестом в руках, которым он их всех несколько раз перекрестил...

ИСТОЧНИКИ

1. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917—1943. — М., 1994. — 1063 с.

2. Архив УКГБ по Гомельской области. Д. 15898-с, 19079-с.

3. Архив УФСБ по Курской области. Д. П-11015. Т. 1—11.

4. *Афанасий (Мартос), архиепископ*. Беларусь в исторической и государственной жизни. — Минск, 1990. — 292 с.

5. *Баслык Евстафий, священник*. Записки священника Евстафия. — Минск: Лучи Софии, 2005. — 256 с.

6. *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. — Тверь: Изд. «Булат», 2002.

7. *Дамаскин (Орловский), игумен*. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Рыльский, викарий Курской епархии; 1881—1938 // Преображение (православная газета восточного Подмосковья). — 2005. — №4. — С. 2.

8. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века (февраль) / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). — Тверь: Изд. «Булат», 2005. — 503 с.

9. За веру Христову: Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918—1951). Биографический справочник / Сост. С.В. Суворова. — Архангельск: Православный издательский центр. — 2006. — 688 с.

10. *И[оанн] П[ашин], священник*. Протоиерей Василий Иоаннович Завитневич (некролог) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1917. — №19—20.

11. Киселев В.Н. Исследователь внимательный и трудолюбивый. О жизни и деятельности историка и богослова, профессора В.З. Завитневича. — Минск: Ильин, 2007. — 384 с.

12. Кривонос Феодор, священник. Синодик за Веру и Церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918—1951 годы). — Киев: 1996.

13. Кривонос Ф., священник; Щеглов Г.Э. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Мозырско-Туровский (1923—1926) и Рыльский (1929—1932). — Минск: Православное Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске, 2004. — 39 с.

14. Летопись церкви Св. Великомученика Георгия Победоносца с. Прилепы Минского уезда / Архив священника Феодора Кривоноса.

15. Минские Епархиальные Ведомости. — 1881. — №22. — С. 376.

16. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 97; Оп. 3. Д. 6244.

17. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 38351, 38460, 38479, 40972, 41145, 41154.

18. Процька Т. Пакутнік за веру і бацькаўшчыну. — Мінск, 1996.

19. Распоряжения Епархиального начальства // Минские Епархиальные Ведомости. — 1903. — №5. — С. 71.

20. Российский государственный исторический архив. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211.

21. Рункевич С.Г. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 — 13 апр. 1893). — Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1893.

22. Смиловицкий Леонид. Погромы 1905 г. в Белоруссии. — <http://www.souz.co.il>

23. Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1907. — №20. — С. 428.

24. Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1908. — №11. — С. 241.

25. Центральный Архив КГБ Республики Беларусь. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10.

26. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 277. Оп. 1. Д. 183.

27. Цьвікевіч А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993.

28. Щеглов Г. Протоиерей Василий Завитневич // Минские Епархиальные Ведомости. — 2003. — №4. — С. 63—66.

29. Юбилейный Архиерейский собор Русской Православной Церкви. Сборник докладов и документов. — СПб., 2000.

30. Якубович Вячеслав, священник. Пятидесятилетие пастырского служения протоиерея Скрыгаловской церкви, Мозырского уезда, о. Василия Завитневича // Минские Епархиальные Ведомости. — 1901. — №22. — С. 7—11.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	3
Истоки.....	4
На берегах Припяти.....	14
Прилепы.....	19
Начало испытаний.....	31
Автономная Белорусская митрополия.....	55
Крестный путь.....	62
В память вечную будет праведник.....	83
Судьбы родных.....	85
Вместо послесловия.....	89
Источники.....	91

Религиозное издание

ГОРДЕЙ ЭДУАРДОВИЧ ЩЕГЛОВ

СВЕТИЛЬНИК ХРИСТОВ

Издание второе, переработанное и дополненное.

Художественное оформление

Г.Э. Щеглов, Е.В. Шабад

Корректор

Л.В. Сулягина

Компьютерная верстка

Е.А. Ефановой

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви.

Лицензия ЛИ №02330/0133229 от 30.04.2004.

220020, Минск, пр-т Машерова, 82;

т. 228-58-91; т./факс 250-14-18.

E-mail: opam@anitex.by

Подписано в печать 28.01.2008. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,0. Уч. изд. л. 6,0.

Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в типографии

